

Александр Смирнов

Свечи

Александр Смирнов

Свечи

«Автор»

2014

Смирнов А. С.

Свечи / А. С. Смирнов — «Автор», 2014

Школьные друзья любят похулиганить. Они в церкви, незаметно от прихожан, подменяют хорошие свечи на бракованные. Свечки гаснут, прихожане волнуются, ребята в восторге от своей выходки. Саня пытается изобрести такой прибор, который гасил бы свечи на расстоянии. При испытании этого прибора происходит пожар. У детей нет никаких шансов для спасения, но Саня включает прибор и пламя почему-то гаснет. 1985 год. Друзья уже студенты ВУЗа. Они скучают на лекции по марксистко-ленинской философии. Александр высказывает мысль о том, что материалистические взгляды утопичны – всё имеет информационную основу. Такие утверждения подрывает саму основу марксистско-ленинской философии. Александра исключают из комсомола и отчисляют из института. Владимир – товарищ Александра ругает своего приятеля за эту выходку. Он говорит, что ни у материалистов, ни у идеалистов нет доказательств своей правоты. Александр заявляет, что у него есть доказательство – это его прибор, который он называет квантовым генератором. Ведь именно он смог на пожаре изменить информацию о пламени и тем самым спас детей. Единственная возможность доказать свою правоту – восстановить генератор. Цель достигнута – генератор создан, но в тайну посвящены люди, которые тоже хотят воспользоваться возможностями чудо-машины. А возможности огромны: это перемещение во времени и пространстве. Исследователи направляются в средние века, чтобы спасти королевского звездочёта со своим учеником от костра инквизиции. Однако вместо звездочёта спасают своих конкурентов. Возвращаясь назад, они промахиваются и попадают на десять лет вперёд (в 1995 год). Путешественники вновь возвращаются в средние века и спасают звездочёта. Следующая цель это наиболее высокий уровень информационного интеллекта. Исследователи покидают землю.

© Смирнов А. С., 2014

© Автор, 2014

Эту историю неоднократно рассказывал своим соседям по палатам бывший кандидат философских наук, доцент кафедры марксистско-ленинской философии, а ныне, пациент городской психиатрической больницы. И хотя события, рассказанные философом, не поддаются никакой логике, более того, выглядят парадоксально – ни у кого из слушателей не возникло и тени сомнения в их реальности и правдивости.

Пролог

Хоровое пение, исходящее откуда-то сверху, наполняет храм каким-то волшебным и неземным содержанием. Священник своими молитвами, понятными, верно, только ему одному, дополняет это содержание и придаёт происходящему оттенок таинственности и загадочности. Потрескивание свечей и запах лампад как бы отгораживают человека от мира реального и переносят его в мир иной – заманчивый и одновременно пугающий своей неизвестностью и неизбежностью. Даже человек, далёкий от веры, убеждённый атеист, а, стало быть, и материалист, в этой обстановке если и не перекрестит лоб, то, во всяком случае, будет стоять тихо, ничем не выдавая своего атеизма.

Стараясь не нарушить этой гармонии, женщина в чёрном платке, с лицом, полным скорби и страдания, почти на цыпочках подходит к церковной лавке, покупает свечку и начинает вращать головой, не зная, куда её поставить.

– Вам за здоровье или за упокой? – приходит на помощь сердобольная старушка, явно сведущая во всех тонкостях христианских обрядов.

– Мне за упокой.

– Тогда поставьте к распятию.

Женщина подходит к Христу, распятому на кресте, поджигает свою свечку и втыкает её в розетку. Оглядевшись по сторонам, она находит глазами верующих старушек и внимательно наблюдает за тем, как они крестятся. Ознакомившись с этой нехитрой премудростью, она уже заносит руку, чтобы осенить себя крестным знаменем, но обращает внимание на свечку. Та, видимо, только что погасла, потому как струйка тонкого, сизого дымка ещё исходит от её фитилька.

– Потухла, – посетовала женщина и подошла к свече.

Она снова подняла руку, чтобы перекреститься, но свечка опять погасла.

– Да, чтоб тебя! – рассердилась женщина.

Она добавила бы к этим словам и ещё кое-какие, но, помня, что находится в храме, не сделала этого.

Прихожанка в третий раз зажгла свечу, но та, не желая сдаваться, погасла снова, при этом громко треснув и капнув на руку расплавленным воском.

На этот раз сдержаться не удалось. Хотя дама и упомянула библейский персонаж, но он явно не гармонировал с церковными канонами.

Женщина купила новую свечу, подошла к свече и со злостью воткнула в розетку.

– Нехорошо в божьем храме лукавого поминать. – Услышала она рядом.

Дама обернулась и увидела подростка, укоризненно смотрящего на неё.

– Извини, мальчик.

Она всё ж таки перекрестила лоб. Женщина отвернулась от мальчика и посмотрела на свечку. Та снова не горела.

Повторив процедуру поджигания свечки трижды, дама подошла к продавщице церковной лавки и стала жаловаться ей на качество продаваемого товара. Та, очертив всё помещение

рукой, видимо, убедила покупательницу в надлежащем качестве. Действительно, все свечи, кроме одной, горели исправно и не гасли.

Дама купила третью свечу.

Пламя последней горело ровно, однако мальчик, стоявший рядом, на всякий случай посторонился и бросил недобрый взгляд на женщину.

– Я же извинилась, – виновато ответила она на этот взгляд.

Дама хотела сказать ещё что-то, но её прервал небольшой треск, похожий на звук сырых дров, не желающих разгораться. Она взглянула на свечку и увидела, как та, треснув на прощание, испустила дух.

Женщина оглянулась в растерянности. Мальчика, который только что разговаривал с ней, не было. Вместо него стояли набожные старушки, которые с испугом смотрели то на свечку, то на женщину. Взгляд дамы в их сторону напугал старушек не меньше, чем свечка. Они отшатнулись от неё и неистово стали креститься.

– Свят, свят, свят! – оборонялись старушки.

Несчастливая, поняв, что в храм проникла нечистая сила, и что эта сила каким-то образом ассоциируется с ней, бросилась бежать, крестясь на бегу уже почти профессионально.

Глава 1

Небольшой скверик прилегал к храму настолько плотно, будто на него была возложена миссия перехода из бытия мирского в бытие духовное и обратно. Однако дети, играющие в песочнице, даже представления не имели ни о каких мирах. Вернее, миры у них были, но, скорее, виртуальные. Эти миры создавались в их воображении. Дети пытались воссоздать их из песка, но те рассыпались, доказывая, что переходов из одного мира в другой не существует. Взрослые, сидящие на скамеечке с одной лишь целью – присматривать за детьми, либо болтали без умолку, забыв про свои обязанности. Либо, того хуже, – дремали.

Вероятно, оттого, что все были заняты своими делами, никто не обратил внимания на выбежавшую из храма женщину, которая была явно чем-то напугана. Нет, я, кажется, ошибся. Двое мальчишек с интересом разглядывают беглянку. Я даже узнаю одного: это наш с вами знакомый – образчик православной веры, который в храме божьем не только слышать, но и помыслить не мог о лукавом.

Но скверик не храм – здесь всё можно, и глаза мальчишек светятся от лукавства.

– Вовка, а тебя старухи не видели, когда ты ей свечки менял? – спросил приятель нашего знакомого.

– За распятием слона можно спрятать – никто не увидит. К тому же они, когда крестятся, глаза кверху закатывают. Я в этот момент всё и делал.

– А эта училка глаза не закатывала.

– Так она и креститься не умеет. Когда ты про лукавого ей лапшу вешал, она отворачивалась.

– Зато сейчас крестится так, будто она не учительница, а монашка.

– Саня, а у тебя ещё остались палёные свечки?

– Есть ещё. А тебе зачем?

– У нас в школе тоже одна есть. Увидела однажды крестик на девчонке, так такой скандал устроила, что ту чуть из школы не выгнали. Хорошо, что на бабу всё свалили, будто она силой заставила крестик надеть.

– Хорошо бы её тоже научить креститься.

Вовка с разочарованием почесал затылок.

– Не получится, – сказал он. – Она в церковь не ходит.

– Эта что ли ходит? Первый раз пришла – и сразу же влипла! Теперь она до конца дней креститься будет.

Мальчики, довольные своей выходкой, встали со скамейки и с чувством выполненного долга покинули скверик.

Однако чувство выполненного долга распространялось только на выходку в храме. Придя домой к Сане, юные шутники приступили к изготовлению новой шутки, которая, как и первая, была направлена на низложение авторитета учительницы, имевшей привычку ставить неуды определённым ученикам без всякого разбора.

– Ты, главное, побольше промокашек приготовь, – командовал Вовка.

– С промокашками всё в порядке, – успокоил приятеля Саня. – Мне мама целую пачку тетрадей купила, так что хватит.

Ребята быстро отыскивали купленные тетради, вытащили промокашки и сложили их аккуратной стопкой. После этого они оторвали от одного листика промокашки четвертинку, сложили её вчетверо и окунули в специально приготовленную тарелку с водой.

– Давай, – сказал Саня. – Пусть ещё помокнет.

Ребята выждали ещё немного, потом Саня вытащил промокашку.

– Выворачивай, – скомандовал Саня.

Вовка поставил под лампочку, висящую в центре комнаты, стул, забрался на него и вытянулся, чтобы вывернуть лампочку. Увы, лампочка была недосягаема.

– Ты на стул табуретку поставь, – посоветовал Саня.

Вовка поставил на стул табуретку и взобрался на эту пирамиду. Помахав приятелю рукой так, как это делают обычно цирковые артисты, стоя под куполом цирка, Вовка схватился рукой за лампочку.

В тот же момент пирамида из стула и табуретки рассыпалась, и неудавшийся циркач оказался на полу. Он схватился за обожженную руку и посмотрел на приятеля так, будто тот мог чем-то помочь ему.

– Нет ума – считай калека, – обласкал товарища Саня. – Надо было полотенце взять.

– Полезай теперь ты, – проскулил Вовка.

Саня взял полотенце, лежащее на кровати, залез на пирамиду и ловко вывернул лампочку.

– Давай промокашку!

Вовка дал приятелю промокашку и стал с интересом наблюдать за Саней. Тот быстро положил её на цоколь лампочки. Вода стекала с промокашки и, тонкой струйкой пробежав по лампочке, скрывалась в рукаве.

– Засекай время! – крикнул Саня.

Вовка записал на бумажке показания часов. Саня быстрым движением вставил лампочку в патрон и повернул её. Однако больше он ничего сделать не успел. Яркая вспышка осветила всю комнату, и пирамида, на которой стоял Саня, рассыпалась.

– Что это было? – спросил он приятеля, поднимаясь с пола и держась за обожженную руку.

– Нет ума – считай калека, – язвительно ответил приятель. – Это называется короткое замыкание. Промокашку-то надо было отжать.

Но разве есть на свете сила, способная остановить процесс познания? Через час оба исследователя с обожженными руками спокойно сидели за столом и смотрели на лампочку.

– У меня уже круги перед глазами, а она, проклятая не гаснет! – ворчал Вовка.

– Потерпи. Должна же вода в конечном итоге испариться?

Будто услышав желание исследователей, лампочка вдруг заморгала и стала плавно гаснуть.

– Получилось! – обрадовался Вовка.

– Ровно пять минут, – улыбнулся Саня.

– А если увеличить количество слоёв промокашки? – спросил Вовка.

– Надо попробовать, – понял своего товарища Саня.

Обычно на уроках Вовка не очень внимательно слушал учителя. Его больше интересовали события, в которых участвовал он сам, а не исторические персонажи, но сегодня случай был необычный: темой урока была конституция страны. Вовка, как всегда, не отличался активностью, но после того, как учительница стала объяснять, что государство, в котором живут ученики, является светским, его словно подменили.

– Но вы же только что сказали, что в нашей стране свобода вероисповедания!

– Так оно и есть, – подтвердила учительница.

– Почему же тогда государство отделено от церкви? – не понимал Вовка.

– Потому что каждый образованный человек понимает, что никакого бога нет.

– Значит, Пушкин был необразованный человек?

Учительнице этот вопрос явно не понравился.

– Просто наука в то время не могла объяснить многих явлений, – начала выкручиваться учительница.

– А сейчас она всё может объяснить?

– Во всяком случае, что бога нет, она доказала.

– Почему же тогда люди ходят в церковь?

– Потому что даже в нашем современном обществе есть люди необразованные.

Одноклассники уже поняли, что Вовку совсем не интересуют церковные старушки, его мало волнует светское устройство государства, – на глазах школьников происходила дуэль. Балагур и бунтарь, – Вовка скрестил шпагу не с кем-нибудь, а с самим учителем.

– А вы, – уже почти кричал Вовка, – вы хоть раз заходили в церковь?

Учительница замялась ненадолго, глазки её забегали.

– Я заходила в храм только с одной целью – полюбоваться искусством русских мастеров, – перешла в оборону учительница.

Класс понял, что Вовка побеждает и стал поддерживать своего лидера одобрительными взглядами.

– Если так, то вы никогда не крестились, – наступал Вовка.

Одобрительные взгляды осторожно стали трансформироваться в одобрительные взгляды.

– Отчего же не крестилась? – продолжала отступать учительница. – Если я зашла в дом верующих, то просто обязана соблюдать их традиции.

До полной и безоговорочной победы оставался всего один шаг.

– Я слышал от верующих людей, что, если человеку грозит опасность, то свечка, которую он ставит к распятию, всё время гаснет. Учёные могут объяснить это явление?

Учительница открыла рот, чтобы отразить нападение противника, но так и не смогла этого сделать. Она с каким-то страхом окинула взглядом ученика, опустила глаза и тихо произнесла:

– Нет, учёные этого объяснить не могут.

Победа была абсолютной, и класс более не скрывал эмоций. Школьный звонок, словно гонг, возвестил об окончании поединка.

Однако если в Вовкином классе победитель уже был увенчан лаврами, то у Сани сражение только начиналось. Он сидел, прячась за спинами одноклассников, и не сводил глаз с циферблата часов.

Историчка ходила по рядам и нудно объясняла детям, как жрецы обманывали глупый и неграмотный народ.

– Чтобы доказать тёмному народу, что боги не только слышат их, но и слушаются, жрецы рассчитывали точную дату солнечного затмения и представляли всё так, будто солнце погаснет по велению жреца.

– А если на небе были тучи? – нарушил жутковатый рассказ учительницы Саня.

– В Египте климат не такой, как у нас. Жрецы знали, будут тучи или нет.

– Неужели никто из народа не знал про солнечное затмение?

– Образование в те времена было доступно только богатым. Это сейчас все грамотные.

Учительница укоризненно посмотрела на Саню.

– Грамотные, но невоспитанные. С учителем надо разговаривать стоя.

– А я боюсь, – тут же ответил Саня.

– Чего ты боишься? – не поняла учительница.

– А вдруг сейчас свет погаснет?

В классе раздались смешки.

– Ты говоришь ерунду, – начала сердиться учительница.

– Почему ерунду?

– Потому что жрецы хотели обмануть свой народ, а ты хочешь сорвать урок. Если тебе не интересно, то я никого не задерживаю. Можешь встать и выйти из класса.

Саня встал, в последний раз посмотрел на часы и направился к выходу. В дверях он остановился, повернулся к учительнице и сказал:

– Ну и пожалуйста, можете сидеть в полной темноте.

Он вышел и плотно закрыл за собой дверь. Лампы освещения заморгали и медленно стали тухнуть. Из коридора Саня слышал восторженные и одновременно испуганные крики одноклассников.

– Да, обмануть народ Египта действительно очень просто, – сказал сам себе Саня.

Однако если обмануть египтян было просто, то этого никак нельзя сказать об учителях. Промокашки были успешно извлечены из школьной системы освещения, а система просвещения применила к возмутителю спокойствия хорошо испытанное средство – вызов родителей в школу.

Может быть, для кого-то вызов родителей не является чем-то неординарным, но для некоторых это событие настолько значимо, что после него ученик не может ходить в школу целый день, а то и два. Более того, находясь дома, ученик предпочитает стоять или лежать, но только не сидеть. Вот в таком стоячем положении и застал своего приятеля Вовка, когда забежал к нему после уроков.

– Ты что это таким кренделем стоишь? – спросил Вовка друга.

– Батя закон Ома объяснял, – проскулил Саня.

– Это из-за наших промокашек?

– Из-за них.

Саня почесал затылок и подошёл к другу. Письменный стол, который до сих пор был закрыт телом Сани, открылся для обозрения и сразу же привлёк к себе внимание Вовки.

– Ух ты! Что это у тебя там? Приёмник собираешь?

Действительно, радиодетали, антенны и целый клубок разноцветных проводов, разбросанные на столе, не оставляли места для других предположений.

– Не угадал, – самодовольно ответил Саня.

Вовка, который знал своего приятеля как облупленного, сел на стул и стал ждать рассказа, если не умопомрачительного, то, во всяком случае, захватывающего.

– Помнишь, как мы твою училку со свечками в церкви дурили? – спросил Саня, ковыряясь в проводах и подключая их к каким-то приборам.

– Помню. Ну и что?

- А то, что теперь можно не прятаться за распытьем.
- А где же там ещё можно спрятаться? – не понял товарища Вовка.
- Вообще нигде не надо прятаться.

Вовка ничего не ответил, ожидая от приятеля объяснений. Однако приятель не торопился. Он разобрался с клубком цветных проводов, зачем-то зажёл свечку и поставил её рядом с антенной.

- Ты что, помолиться решил? – усмехнулся Вовка.

Вместо ответа Саня включил свой прибор. Тот загудел, задрожал и свечка погасла.

- У тебя свечка погасла, – сказал Вовка.
- Ты понял!? – восторженно воскликнул Саня.
- А что тут понимать? Всё задрожало, вот пламя и погасло.
- Причём тут задрожало?
- Как, причём? А от чего же погасло пламя?

– Вы проходили по физике о вынужденных и собственных колебаниях?

– Резонанс?

– Да.

– Ну, проходили.

– Так вот: пламя, как тебе известно, тоже колеблется, то есть имеет собственные колебания.

– Это когда на него ветер дует, – возразил Вовка, – а когда ветра нет, то и колебаний нет.

– Это не важно, есть колебания или нет. Главное, что я предположил, что они есть.

– Ну. – Вовка ещё ничего не понял, но уже приготовился услышать, как минимум, открытие.

– Дальше всё просто: я стал наугад создавать свои колебания.

– Ты хотел создать резонанс?

– Именно!

– И какие же колебания нужны, чтобы загасить свечку?

– Откуда я знаю? У меня нет приборов. В качестве генератора колебаний я использовал обыкновенный наушник. Вот этой ручкой я меняю сопротивление, а, стало быть, меняю и сами колебания.

– Ну и что?

– А то, что в этом положении, – юный изобретатель указал на носик ручки, – свечка стала гаснуть.

– Саня, так ведь это изобретение!

– А я про что тебе говорю?

– Давай ещё попробуем! – предложил Вовка.

Друзья поджигали свечу, включали прибор и неизменно наблюдали, как розовое пламя начинало судорожно трястись, затем мерцать и, в конечном итоге, гасло.

– А на какое расстояние эта система действует? – спросил Вовка.

– Я ещё не пробовал.

– Давай поставим свечу на другой стол.

Ребята переставили свечку и повторили эксперимент. После включения прибора пламя даже не шелохнулось. Исследователи выждали какое-то время, и пошли к столу за свечкой. Однако стоило им сделать шаг, как пламя задёргалось.

– Смотри, – прошептал Саня, – оно начало плясать.

Пляска пламени продолжалась недолго. Вслед за танцем последовало уже знакомое мерцание и закономерный финал.

– Сработало! – не смог скрыть восторга Вовка. – А я уж думал...

– Просто при увеличении расстояния увеличивается и время, – тут же объяснил всё Саня.

– Нам надо создать таблицу, а ещё лучше – нарисовать график зависимости времени от расстояния, – предложил Вовка.

Научные эксперименты так увлекли ребят, что Саня даже забыл про то, что совсем недавно не мог даже сесть. Слишком доходчивое разъяснение отцом того, что эксперименты с электричеством могли закончиться в школе пожаром, осталось в прошлом и не могло остановить процесса познания.

Вовка ползал на четвереньках, тщательно измерял расстояние от антенны до свечки и откладывал его на оси абсцисс.

Саня сидел с часами в руках и наблюдал за секундной стрелкой. После каждого эксперимента он откладывал время на оси ординат.

Через два часа график был построен.

– Квадратичная зависимость, – заключил Саня.

– Парабола, – согласился Вовка.

– Надо закругляться – родители с работы скоро придут.

– Я бы, для чистоты эксперимента, сделал ещё два замера, – предложил Вовка.

– Ты считаешь, надо?

– Мы же не получили точку, где действие колебаний перестаёт влиять на пламя.

– У нас на большее расстояние в комнате места не хватит.

– На две точки хватит, – настаивал Вовка. – Одна точка на тумбочке, а вторая на подоконнике.

– Так это всего две точки.

– А вдруг это именно те точки, которые мы ищем?

Аргумент был сильный, и опыты было решено продолжить.

Точка на тумбочке полностью подтвердила квадратичную зависимость.

– Всё, замеряем последнюю точку и формула у нас в кармане – « $X=Y^2$ », – радовался Вовка.

Он поставил свечу на подоконник и хотел поджечь фитилёк.

– Шторы отдерни, а то ещё полыхнёт, – посоветовал Саня.

Вовка отдернул шторы и зажёл свечу.

– Надо расстояние ещё раз проверить, чтобы всё точно было, – сказал Саня. – Ты держи рулетку у свечки, а я дотяну её до антенны.

Саня замерил расстояние и его радостное лицо вдруг помрачнело.

– Всего три сантиметра не хватает.

– Мне отодвигать больше некуда – дальше стекло, – предупредил Вовка. – Попробуй отодвинуть стол с прибором, у тебя ещё есть запас.

Саня стал придвигать стол вплотную к стенке.

За всей этой картиной наблюдал кот Василий, который проснулся именно в тот момент, когда стол, издавая душераздирающий скрип, начал путешествие к стене. Однако кота привлекал вовсе не стол, а маленький огонёк свечи, который, отражаясь в окне, походил на порхающего мотылька. Василий не заметил, как острая боковина стола сильно прижала хвост к стене. Кот взвизгнул, метнулся вперёд и повис на шторах. Карниз не выдержал, и вся конструкция рухнула вместе с котом на горящую свечу. Штора загорелась, а кот, запутавшись в шторе, стал носиться по комнате, таща за собой огненный хвост и поджигая всё на своём пути.

Ребята, простояв в оцепенении несколько секунд, очухались и стали гоняться за котом.

– Надо кота от шторы отцепить, – кричал Саня, – а то он сгорит!

Однако поймать обезумевшего кота не так-то просто. Не выжить бы бедному животному ни за что, если бы Вовка не схватил аквариум и не выплеснул его содержимое на кота. Штора намочила и отцепилась. Ребята быстро сбили пламя со шторы, но комната уже была объята пламенем.

– Саня, включай свой прибор, а то мы здесь сгорим! – крикнул Вовка.

Саня почти на ощупь добрался до стола и вставил вилку в розетку. Через несколько секунд пламя покорилося квадратичному открытию исследователей.

Придя с работы, родители ничего не смогли увидеть кроме дыма и детей, которых рвота выворачивала наизнанку.

– Это отравление угарным газом. Нужно вызывать скорую, – сказал отец матери.

Скорая в сопровождении родителей увозила ребят в больницу. Родители смотрели на перепуганных, испачканных и обожжённых мальчишек и не могли понять: как смогли двое подростков справиться с такой большой площадью возгорания, использовав всего один аквариум воды.

Глава 2

Самой противной наукой из обязательных дисциплин советской высшей школы, несомненно, являлась марксистско-ленинская философия. К слову сказать, наукой назвать её можно было с очень большой натяжкой, а если ещё честнее, то и с любимыми натяжками она к наукам никакого отношения не имела. Любая наука никогда ничего не принимает на веру. Даже самая обычная закономерность, которая известна ребёнку, всё равно подлежит доказыванию. Исключения составляют так называемые аксиомы – истины, не требующие доказательства. Однако каждый образованный человек знает, что время от времени даже аксиомы подвергаются сомнению и, либо отвергаются, либо укрепляют своё положение в науке путём доказывания. В марксистско-ленинской философии практически всё состоит из аксиом, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не подвергаются сомнению, а, стало быть, никогда не доказываются.

Студенты прекрасно понимают, что данный предмет никогда не пригодится им в жизни и его следует просто перетерпеть. Преподаватели сами были когда-то студентами и понимали чувства студентов, поэтому они начитывали свой курс, нисколько не заботясь о том, понимают их студенты или нет. Оценки выставлялись по следующему принципу: если студент не мешал преподавателю читать лекции, то и преподаватель не мешал студенту зарабатывать стипендию. Однако в каждом правиле есть исключения. Находились преподаватели, которые действительно были уверены в том, что их предмет является полноценной наукой.

Александр Смирнов и Владимир Клевцов, как и все студенты, скучали на лекции по марксистско-ленинской философии и ждали окончания занятий. Монотонный голос преподавателя, видимо, так разморил Александра, что тот опустил голову на сложенные на столе руки и засопел.

– Смирнов! – разбудил студента преподаватель. – Вам, вероятно, всё понятно с диалектическим материализмом, раз вы решили вздремнуть?

– Нет, не понятно, – выпалил Смирнов первое, что пришло ему в голову.

– Что же вам непонятно?

– Что такое материя, – ответил студент.

Чего, чего, а такого ответа преподаватель не ожидал.

– На прошлой лекции я давал вам определение материи. Вы тоже проспали его?

– Я помню определение.

– В таком случае будьте так любезны, озвучьте его, пожалуйста, нам.

– Материя – философская категория для обозначения объективной реальности, которая отображается нашими ощущениями, – отчеканил студент как «отче наш».

– Правильно, и что же тут непонятного?

– Мне непонятно при чём тут ощущения?

– То есть как это причём? Всё, что мы можем увидеть, услышать, понюхать и пощупать как раз и есть материя.

– А время? Разве его можно пощупать и понюхать?

– Время никакого отношения к материи не имеет. Время – величина относительная. Вы будете проходить по физике теорию относительности, там вам всё объяснят.

Преподаватель хотел было продолжить лекцию, но услышал вопрос, от которого сначала опешил.

– Стало быть, сны – это тоже материя?

– Какие сны? – не понял преподаватель.

– Обыкновенные, какие видят все люди. Во сне можно и пощупать, и понюхать, и увидеть, и услышать. Разве во сне у вас нет ощущения полной реальности?

– Однако когда я просыпаюсь, то понимаю, что ничего того, что мне снилось, в действительности не было. Вот вам и доказательство.

– Это доказывает лишь то, что вы оказались в другом измерении, где также ощущаете состояние полной реальности. И совершенно непонятно, которое состояние было истинным: первое или второе, а может быть, они оба были в действительности?

От этого вопроса преподаватель чуть не лишился дара речи. Рассуждения студента подвергали сомнению самую основу марксистско-ленинской философии. Звонок прервал дискуссию на самом интересном месте.

– Мы обязательно закончим наш спор, – пообещал преподаватель.

Студенты собрали свои конспекты, и пошли домой, забыв о диалектическом материализме, как о кошмарном сне. Однако произошедшее на лекции не всех оставило равнодушными.

Две симпатичные девушки, отойдя от института метров на двести, присели на скамеечку в тени старого дуба и, что называется, зацепились языками.

– Дурак, – сказала одна, задумавшись.

– Ты это про кого? – не поняв, о чём идёт речь, спросила подруга.

– Маша, ну о Смирнове, конечно!

– Ты так говоришь, будто кроме Смирнова и говорить не о ком!

– А о ком ещё можно говорить? Все сидели тихо и спокойно, а он решил быть умнее всех!

– Наташа, ты просто не видела, с чего всё началось. Александр вообще уснул и, если бы философ не разбудил его, он так бы и проспал до конца занятий.

– А ты, что, следила за ним?

Маша отвернула голову от подруги и слегка покраснела.

– Ничего я за ним не следила. Что ты выдумываешь? – рассердилась Маша.

Однако шило в мешке не утаишь. Еле заметного румянца и маленькой недовольной нотки в голосе хватило, чтобы Наташа всё поняла и начала с наслаждением смаковать самую желанную тему, которую только можно себе представить.

– Боже мой! Да ты никак глаз на Александра положила?

– С чего ты взяла?

Но румянец опять выдал Машу.

– С удовольствием порадовалась бы за тебя, подружка, но, к сожалению, не могу.

– Это почему же? – возмущилась Маша, забыв про то, что всего секунду назад хотела избежать этой темы.

– Он – потенциальный неудачник, – тоном, не терпящим возражения, ответила Наташа.

– Он – неудачник? Да с чего ты взяла?

– Как ты думаешь, какая удача может светить человеку, который устроил такой балаган на философии?

– При чём тут удача? Его поступок как раз доказывает, что он является человеком неординарным.

– Совершенно правильно! – согласилась Наташа. – В нашей стране все неординарные личности содержатся в психушках.

– Типун тебе на язык!

– Теперь ты согласна с моей теорией?

– Нет, не согласна. Это был просто научный спор. Кстати, философ так и не нашёл чем возразить Александру.

– Можешь не сомневаться, он возразит, и так возразит, что от твоего Сашеньки пух и перья полетят.

– Мне кажется, ты специально говоришь это, чтобы позлить меня.

– Я говорю это специально, чтобы предостеречь тебя.

Из дверей института вышли две знакомые фигуры, и пошли по направлению к скамейке.

– Это они, – прервала разговор Наташа. – Пора расходиться.

– Завтра договорим. Я не согласна с твоими доводами.

Девушки встали со скамейки и исчезли из виду.

Не прошло и пяти минут, как скамейка снова была занята: на сей раз Александром и Владимиром. Тема, которая беспокоила их, была той же самой, что и у только что покинувших скамейку девушек.

– Чего ты завёлся? – ворчал на приятеля Владимир.

– Да надоел он. Несёт какой-то бред и все его слушают.

– Бред это или не бред, никто проверить не может, – философски заметил Владимир. –

Ни у материалистов, ни у идеалистов нет доказательств своей правоты.

Александр серьёзно посмотрел на своего товарища.

– Да, доказательств нет ни у кого, кроме нас.

– Кроме нас? – удивился Владимир. – А какие у нас доказательства?

Александр вытянул вперёд правую руку, расстегнул манжет рубашки и оголил небольшой шрам от ожога.

– У меня такой же на ноге, – сказал Владимир, – однако вернёмся к нашим баранам. Я имею в виду доказательства против диалектического материализма.

– Я только что тебе показал их, – ответил Александр. – К тому же, у тебя есть такое же.

– При чём тут это? Был пожар, мы получили ожоги, от которых остались небольшие шрамы...

– Мы должны были тогда погибнуть, сгореть заживо...

– Но огонь погас из-за твоего прибора, – продолжил Владимир.

– А ты говоришь, нет доказательств!

– При чём тут материализм и идеализм?

– Огонь же погас?!

– Явление резонанса, и ничего больше, – не соглашался Владимир.

– Какой, к чёрту, резонанс? Мы тогда были детьми и ничего, кроме резонанса, не знали.

Подумай, какая квадратичная зависимость может быть у резонанса? Совпали колебания – есть резонанс, не совпали – нет резонанса.

Теперь задумался Владимир.

– Действительно, а я даже не подумал об этом. Чем же тогда можно это объяснить?

– Во всяком случае, не диалектическим материализмом.

– У тебя остался тот прибор? – почему-то шёпотом спросил Владимир.

– Когда я вернулся из больницы домой, его уже не было.

– Значит, повторить мы ничего не сможем?

– Я повторял уже тысячу раз – всё напрасно.

– Что же тогда это было? – спросил Владимир.

– Не знаю, но это было – вот в чём штука.

Александр хотел подняться со скамейки, но Владимир задержал его.

– Я знаю тебя много лет, – сказал он приятелю. – Если ты заговорил со мной на эту тему, значит, ты хотел мне что-то сказать.

Александр осторожно осмотрелся по сторонам, выждал, когда проходящие мимо люди исчезнут, и начал свой рассказ:

– Меня после этого пожара родители перевели в математическую школу. Я увлёкся математикой и про шалости со свечками забыл.

– Стало быть, что-то заставило тебя вспомнить об этом?

– Заставило. Я снова обжёг руку.

– И?

– И сразу вспомнил о пожаре.

– Саня, ну не ходи ты вокруг да около, – взмолился Владимир.

– Квантовая теория, – гордо провозгласил Александр.

– Квантовая теория?

– Скажу точнее – квантовая телепортация.

– Телепортация?

По выражению лица Владимира было видно, что в такие глубины физики и математики он никогда не забирался. Однако чтобы не выглядеть совсем профаном, он попытался что-то брякнуть в этом направлении.

– Но ведь квант обозначает минимальную часть физического тела, – робко сказал он. – Всё-таки физического, а не мифического.

– Если предположить, что минимальная часть физического тела есть величина бесконечно малая и стремится к нулю, то грань между физическим и мифическим телом стирается.

– А что ты подразумеваешь под мифическим телом?

– Информацию, – ответил Александр.

– Какую?

– Любую.

– В таком случае выходит, что Бог есть? – спросил Владимир.

– Обязательно, есть. Только не такой, о котором написали в Библии почти две тысячи лет назад, а другой. Жизнь, то есть сознание – вечно, – продолжал свою теорию Александр, – более того, те тела, которые мы привыкли считать физическими, на самом деле являются информационными. Мы находимся в очень узком спектре этого информационного поля, поэтому способны менять окружающий мир только в определённых пределах.

– Ты хочешь сказать, что нами управляет кто-то другой?

– Вот видишь, и ты догадался! – обрадовался Александр.

– Однако это только теория, – приземлил своего приятеля Владимир.

– А пожар? Ведь огонь погас, – значит, информация об огне была изменена.

– Кем?

– Нами. Ведь именно мы включили прибор. Вспомни – мы даже график с тобой построили – квадратичная зависимость.

– Ты хочешь сказать, что существуют такие амплитуды, через которые можно войти в другой мир, изменить информацию, а потом вернуться назад?

– Мы с тобой, Володя, несколько секунд были в этом другом мире и благополучно вернулись назад. Мы совершенно случайно натолкнулись на этот... – Александр задумался на некоторое время, но вскоре продолжил. – Назовём это вектор телепортации. Итак, вектор телепортации существует не теоретически, а практически. Мы обнаружили его случайно, теперь же мы должны найти его намеренно.

– Твоя теория подтверждается и другими фактами, – согласился с товарищем Владимир.

Александр с интересом посмотрел на товарища.

– Нет, нет, я ничего не добавлю нового. Я просто теперь понял, что ты говорил про сны на философии. И сон, и действительность, – всё это происходит на самом деле, потому что имеет одну основу – информационную.

– Да, но тогда выходит, что смерти нет. Есть переходы из одного мира в другой.

– Поэтому я и завёлся на философии. С моей точки зрения, этот диалектический материализм – полный бред.

– Мы просто обязаны с тобой найти этот вектор, – подытожил разговор Владимир.

Придя на следующий день в институт, Александр обнаружил, что вместо первой пары лекций в аудитории проводилось комсомольское собрание группы. Ни повестки дня, ни выступающих на объявление указано не было: просто собрание и всё. Когда, войдя в аудиторию, Александр увидел преподавателя по марксистско-ленинской философии, его почему-то немного передёрнуло.

– А философ-то здесь что делает? – спросил Александра Владимир, – или он тоже комсомолец?

Однако ответить Александр не успел. К нему быстро подошёл философ.

– А вам, уважаемый, сюда. – Он язвительно посмотрел на студента и показал на единственный стул, стоящий сбоку стола, за которым, по-видимому, должен был расположиться президиум.

Александр хотел что-то спросить, но его опять опередили.

– И не надо задавать вопросов. Вот начнётся собрание, тогда будут и вопросы и ответы.

Философ строго посмотрел на Владимира и сухо сказал ему:

– А вы, Клевцов, посидите вместе со всеми. Пока, во всяком случае.

Студенты расселись по местам, и в аудиторию вошли представители райкома комсомола в сопровождении институтского начальства. Лёгкий шумок, который всегда присутствует при скоплении людей, внезапно прекратился. Аудитория замерла в ожидании чего-то неординарного и одновременно пугающего.

– Итак, начнём наше комсомольское собрание, – прервал тишину секретарь райкома.

Он посмотрел на философа и кивнул ему головой.

– Мы на прошлой лекции не закончили спор с господином Смирновым, – начал философ.

– Он – товарищ! – выкрикнул Владимир.

– Не торопитесь с выводами, – одёрнул его преподаватель.

На первом ряду столов, прямо напротив Александра, сидели две подружки: Маша и Наташа. По их глазам можно было понять, что всё происходящее сильно взволновало их. Однако взгляды девушек резко отличались друг от друга: если во взгляде Маши можно было увидеть ужас и сожаление, то взгляд её подруги говорил о другом – он был надменный и самодовольный.

– Неужели ты была права? – прошептала Маша.

– Всё, как я предполагала.

– И тебе не жалко его?

– Кого? – не поняла Наташа.

– Смирнова, конечно.

– Мне тебя жалко, – ответила подруга. – Твой Александр – неудачник. То, что сейчас произойдёт – закономерный финал. Не вздумай протянуть утопающему руку – он обязательно утянет тебя с собой в трясины.

Однако последних слов подруги Маша не слышала. Она смотрела своими огромными чёрными глазами на Александра и мысленно говорила с ним:

– Не бойся, я всегда буду рядом с тобой, – говорил взгляд девушки. – Я никогда не отрекусь от тебя. И если твоя судьба быть – неудачником – знай: неудачников будет двое – ты и я.

Александр не увидел, а скорее почувствовал Машин взгляд. Он посмотрел на неё и не в силах был отвести глаз. Молодой человек смотрел в эти чёрные огромные глаза и понимал всё, что хотела сказать ему девушка.

– Не связывайся со мной, – попытался ответить он своим взглядом. – Ты даже не понимаешь, что они могут со мной сделать.

– Нет, нет, и не уговаривай, – отвечали чёрные глаза. – Быть с тобой – это моя судьба. Так решила не я.

– А кто? – спросил взгляд Александра.

Девушка отвела свой взгляд от юноши и закатила глаза куда-то вверх.

Диалога Александра и Маши никто не слышал, кроме их самих. Все были заняты не духовным делом, а вполне реальным – комсомольским собранием.

– Непонятно, почему научный спор должен продолжаться на комсомольском собрании? – послышался выкрик старосты.

– Вероятно потому, что он перешёл из разряда науки в разряд пропаганды, – неожиданно вступил в разговор секретарь райкома.

Аудитория, которая только что была готова вступить в дискуссию, снова затихла. Каждый понимал, что спорить с комсомольскими и партийными вожаками по вопросам пропаганды – дело абсолютно бесперспективное. Более того, дело это настолько опасное, что не понимать этого мог только сумасшедший. Ещё не ушло то поколение, которое помнило, как ночью чёрные воронки забирали людей, посмеявшихся высказать своё мнение относительно марксистско-ленинской философии. Этих людей увозили куда-то и никто их больше никогда не видел.

Нынешнее поколение было избавлено от этого средневекового кошмара, но в народе ходили слухи, что сейчас таких смельчаков не сажают в тюрьмы, а изолируют в психиатрических лечебницах на том основании, что только сумасшедший не способен увидеть преимущества социалистического строя. О таких пустяковых мерах, как увольнение с работы или отчисление из учебного заведения, можно было даже не говорить – по сравнению с психушкой, это был просто подарок судьбы.

Философ поднялся со своего места, посмотрел на секретаря и начал свою проповедь:

– Как вам известно, диалектический материализм не догма, а наука, основанная на фактах. И если в прошлом веке в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» Владимир Ильич Ленин не имел возможности привести достаточно много доказательств неизвестному реакционному австрийскому физическому и философу Эрнсту Маху, то сегодня диалектический материализм вообще не нуждается в доказательствах. Сам факт существования первого в мире социалистического государства является доказательством, подтверждающим справедливость доводов Владимира Ильича.

Тональность, с которой оратор излагал свои, с позволения сказать, доводы, нарастала от спокойной, и достигла своего апогея. Он уже не говорил, а кричал какие-то слова, значения которых, скорее всего, не понимали не только студенты, но и сам оратор. Слюна брызгала изо рта оратора и попадала в лицо студентам, сидящим на первом ряду. От этого они морщились и отворачивались. Такое поведение не осталось незамеченным. Истолковав его, как нежелание принять его доводы, оратор впал в ещё большую ярость и перешёл на визг. Напрасно секретарь пытался успокоить преподавателя – тот не слышал его.

– Диалектический материализм, – визжал философ, – есть аксиома, то бишь, истина, не требующая доказательств. А те, кто не согласен с этим, или душевно больные, либо провокаторы!

Преподаватель посмотрел в сторону Александра и затрясся от злости. Он открыл рот, чтобы продолжить свою обвинительную речь, но вдруг неожиданно замолчал. Что-то выскочило изо рта философа и шлёпнулось на пол.

– Челюсть! У него выпала челюсть! – послышалось хихиканье в аудитории.

Преподаватель схватился за рот и начал осматривать пол вокруг себя.

– Она под столом! – выкрикнул чей-то голос с первого ряда, то ли для того, чтобы помочь преподавателю, то ли для того, чтобы посмеяться над ним.

Однако не только преподаватель, но, как минимум, половина аудитории не поняла истинного намерения советчика и на всякий случай поддержала его гомерическим хохотом.

– Ему теперь «раком» надо встать, чтоб достать её! – уже не стесняли своих чувств студенты.

Однако преподаватель не собирался сдаваться. Встать на колени перед аудиторией ржущих студентов не позволяла гордыня. Он сунул под стол ногу и попытался ей вытолкнуть челюсть. Увы, это было не так-то просто. Неожиданно послышался слабый характерный звук, и все поняли, что преподаватель в двух шагах от победы.

– Ну, давай! – кричали возбуждённые студенты.

Философ сделал резкое движение ногой и раздался хруст.

Преподаватель всё-таки опустился на колени. Он залез под стол и собрал остатки пластмассовой конструкции.

Александр встал со своего места и посмотрел на секретаря комсомола.

– Я полагаю, дискуссию продолжать бесполезно. Оппонент сам уничтожил инструмент своих доводов.

Смирнов быстро вышел из аудитории, оставив в ней хотя и злого, но совершенно беззубого противника.

В парке у небольшого озерца на скамейке молча сидели Владимир и Александр. По их виду можно было понять, что разговаривать друзьям не хотелось, потому как Александр прутиком чертил на песке замысловатые фигуры и размышлял скорее о них, чем о своём приятеле, а приятель просто кидал камешки в озеро и наблюдал за кругами, которые те оставляли на воде после своего падения.

– Однако надо что-то делать, – нарушил молчание Владимир.

– А что тут сделаешь? – грустно вздохнул Александр.

– Может быть, попробовать другой ВУЗ? – робко предложил Владимир.

– С такой формулировкой?

– А что за формулировка?

– Отчислен за злостное хулиганство.

– За хулиганство?

Александр вытащил лист бумаги и протянул товарищу.

– Что это?

– Копия приказа, – пояснил Александр.

Владимир перечитал приказ несколько раз, после чего вернул его хозяину.

– Но ведь ты на этом собрании не произнёс ни одного слова!

– А ты думал, они меня из-за диалектического материализма отчислят?

– Ты знаешь, может быть, я скажу глупость, но за злостное хулиганство лучше, чем за антисоветскую агитацию и пропаганду.

– Мне в деканате то же самое сказали. Выходит так, что я им ещё спасибо должен сказать за то, что они меня из института поперли.

– Есть ВУЗы, где недобор. Там на это хулиганство сквозь пальцы могут посмотреть.

– А на комсомол как они посмотрят?

– А при чём тут комсомол?

– Они меня из комсомола тоже выгнали. И уже не за хулиганство, а за пропаганду буржуазной идеологии.

Владимир даже присвистнул от услышанного.

– Вот и выходит, что куда ни кинь – везде клин, – грустно сказал Александр.

– Всё равно, сдаваться нельзя. Надо им доказать, что прав ты, а не философ.

– Я уже попробовал доказать. Сам видишь, что из этого получилось.

– Тогда ты действительно зря завёлся, а теперь...

– А что теперь? – не понял Александр.

– Тогда тебе было, что терять, а теперь тебе, как пролетариату, терять нечего, кроме собственных цепей.

– Хорошо, но что я могу им предъявить?

– Не ты, а мы, – поправил Владимир.

– Ну, хорошо – мы.

– Вектор.

– Вектор?

– Да, вектор телепортации, – твёрдо сказал Владимир.

Нетрудно себе представить, что бы сделали родители со своим чадом, который, будучи выгнанным из института за злостное хулиганство, не пошёл работать на завод, не стал пытаться пристроить свои документы в какой-нибудь другой ВУЗ, а посвятил себя полностью поискам какого-то вектора телепортации.

И хотя человека, всерьёз считающего, что этот вектор способен изменить мир и вернуть то, что было утрачено, вряд ли можно назвать человеком разумным, однако его нельзя считать настолько глупым, чтобы он не смог предположить о реакции окружающих.

Работы по поиску вектора было решено производить в строжайшей секретности. Даже родители Александра не должны были знать о том, что их сын отчислен из института. Для них он, как всегда, утром уходил в институт и возвращался вечером.

На самом деле бывший студент вместо института направлялся в научную библиотеку, где, обложившись учёными трудами, прорабатывал теоретическую часть своих изысканий.

После занятий в библиотеку приходил Владимир. Друзья делились своими мыслями и составляли планы на ближайшее будущее. Вернее, не составляли, а составлял. Владимир был так далёк от математики и физики, что мог только верить своему товарищу. Он верил и ждал, что в один прекрасный день Александр встретит его улыбкой и скажет: «Всё, я вычислил вектор». Однако время шло, а заветную фразу Александр так и не произносил.

– Долго ещё? – как-то робко спросил товарища Владимир при очередном посещении библиотеки.

– Практически у меня всё готово, – услышал он долгожданный ответ.

– Ты хочешь сказать, что нашёл вектор?

– До этого ещё далеко, – начал объяснять Александр. – Я рассчитал частоты только теоретически. Остаётся найти подходящий материал, с помощью которого мы построим генератор и тогда...

– Где же мы будем искать этот материал, – не дал договорить товарищу Владимир.

– В таблице Менделеева, конечно.

– И когда мы начнём?

– Я уже начал искать, но ты пришёл и...

– Ухожу, немедленно ухожу, – замахал руками Владимир. – Не буду тебе больше мешать. Он быстренько собрался и убежал из библиотеки.

Александр придвинул к себе расчёты и хотел углубиться в свой удивительный мир формул, но ему почему-то это не удалось. Он сделал ещё одну попытку сосредоточиться, но у него опять ничего не получилось. Обругав в сердцах своего приятеля за то, что он отвлек его от расчётов, Александр в третий раз попытался сосредоточиться, но результат оставался прежний. Молодой исследователь хотел уже закончить работу, но вдруг почувствовал, что ему не хочется уходить из библиотеки. Он поднялся со стула, осмотрел весь читальный зал и сразу понял, в чём дело: в самом дальнем и тёмном углу зала, спрятавшись за широкие спины читателей, мелькнула маленькая стройная девичья фигурка. Казалось бы, что в этом необычного? В читальном зале библиотеки всегда было полно фигур. Однако эта фигурка была особенной. Другой такой не было на белом свете. Александр, повинувшись какой-то неведомой силе, подошёл к девушке. Предчувствие не обмануло его – перед ним была Маша.

– Это ты? – спросил он тихо.

В ответ девушка слегка покраснела и опустила голову.

– Ты что же, следишь за мной? – снова спросил Александр.

– Да, – неожиданно ответила Маша.

– Но, зачем? – удивился Александр.

– Ты попал в беду и поэтому я должна быть рядом с тобой.

– Зачем? Разве ты можешь мне помочь?

– Могу, – сказала Маша, – правда, я не знаю ещё чем.

Девушка подняла свои огромные чёрные глаза и посмотрела на Александра. Этот взгляд утопил Александра, растворил его в себе, и молодой человек вдруг понял, что отныне он не является существом метафизическим, а является личностью духовной, а, если ещё точнее, то одухотворённой.

Владимир, выйдя из библиотеки, не пошёл сразу домой. Сознание того, что он сопричастен, как минимум, к открытию века, переполнило его. Он, правда, не совсем отчётливо понимал, что это такое – вектор телепортации и с чем его едят, но всё равно, известие, что он с приятелем стоит на пороге открытия, взволновало его.

Он не хотел идти домой, ему хотелось помечтать и представить себя вместе с Александром академиками, а ещё лучше, нобелевскими лауреатами. Владимир вдруг представил вытянувшуюся от удивления физиономию философа. Вот философ стоит перед студентами, трясётся от злости и кричит:

– Этого не может быть, потому что не может быть никогда!

Неожиданно у философа выскакивает челюсть. Она падает на пол и разбивается на маленькие осколки.

– Челюсть! Опять челюсть! – кричат студенты и заливаются звонким смехом.

Неожиданно Владимир почувствовал сильный удар по голове. Он поднял глаза и увидел перед собой бетонный фонарный столб.

– Осторожнее, молодой человек! – послышалось девичье хихиканье. – Так можно и голову разбить!

Владимир потёр рукой шишку, которая появилась на лбу, и решил, что дома мечтать будет безопаснее.

Проходя мимо дома Александра, Владимир обратил внимание, как к парадной приятеля подкатила милицейская машина. Из неё вышел военный в сопровождении милиционера. Они набрали номер квартиры на домофоне, дождались ответа, и скрылись в парадной.

Владимиру показалось, что голос, который раздался из домофона, был похож на голос матери Александра. Однако молодой человек не придал этому событию большого значения и ушёл домой.

Что касается Александра и Маши, то они тоже не очень-то торопились домой. Правда, в их разговорах даже намёка не было на какие-то научные открытия. Александр читал своей спутнице любимые стихи, а Маша обсуждала сюжеты из литературных произведений, причём только те, где были любовные сцены. Правда, науку они однажды затронули: это был философ и его раздавленная челюсть.

К сожалению, а, может быть, и к счастью, всё в мире уравновешенно: если человека долгое время преследует неудача – значит, в скором времени он будет вознаграждён успехом. Если же человек долго радуется успеху, то судьба тут же выправит положение, плеснув ему в бочку мёда свою ложку дёгтя.

Получив огромный заряд негатива, связанный с отчислением из института, Александр был вознаграждён встречей с Машей. После вечерней прогулки с девушкой институтские проблемы казались мелкими и незначительными. Однако любые прогулки всегда заканчиваются, и Александр, проводив девушку, поспешил домой.

Следуя только что выдвинутой теории уравновешенности событий, легко предположить, что после такой умопомрачительной прогулки молодого человека ждали дома отнюдь не розы.

Мама встретила Александра как-то странно: она прятала глаза от сына и явно не знала, с чего начать разговор.

– Я сегодня задержался в библиотеке, – пришёл на помощь ей Александр.

Однако мать будто не слышала сына.

– Как у тебя дела в институте? – вдруг спросила она.

Этого вопроса Александр боялся больше всего. Он понимал, что рано или поздно вопрос будет задан. В мыслях он давно заготовил десятка два вариантов ответов на него, но сегодня... Сегодня, после такой светлой и чистой встречи с Машей, ему совсем не хотелось врать.

– А почему ты это спрашиваешь? – еле выдавил из себя Александр.

– Потому что сегодня военный с милиционером устроили у нас дома засаду. Они ловили дезертира.

– Кого? – не поверил своим ушам Александр.

– Тебя, – ответила мать.

– Но я не получил ни одной повестки!

– Они отправили тебе пять повесток.

Мать немного помолчала и продолжила:

– Я знаю, что тебя отчислили за злостное хулиганство.

– Я не виноват, мама.

– Верю, но это ровным счётом ничего не меняет.

– Я не могу сейчас идти в армию, – сказал Александр.

– Почему?

– Понимаешь, я работаю над вектором телепортации. Теоретическую часть я практически закончил, осталось совсем немного: может быть месяц, может два, и тогда куда угодно: хоть в армию, хоть на край света.

– Какой, какой портацией? – не поняла мать.

– Телепортации. Это трудно объяснить. Помнишь, мы с Вовкой устроили пожар?

Александр хотел объяснить свою теорию, но посмотрев на выражение лица матери, замолчал.

– Послушай, может быть, тебе действительно в армию идти нельзя, – мать многозначительно покрутила пальцем у виска. – Какая портация, какой Вовка, какой пожар? Неужели ты не понимаешь, что тебя не сегодня, завтра поймают и отправят не в армию, а на нары. Тебе срок корячится, а ты мне сказки про какие-то пожары рассказываешь.

Александр закрыл лицо руками и замолчал. Он вдруг осознал, в каком положении оказался.

– Ты считаешь, что я сам должен пойти в военкомат? – спросил он.

– А ты предпочитаешь тюрьму?

Вот вам ложка дёгтя. А ведь счастье было так возможно, так близко.

В военкомате, видимо, частенько приходилось сталкиваться с такими новобранцами, как Александр. Его как-то очень быстро и ловко отгородили от матери и засунули в какую-то очередь, где юноши, раздетые до трусов, стояли в ожидании вердикта врачей. Докторов особенно не интересовали жалобы пациентов на здоровье, они о чём-то перешептывались и показывали рукой новобранцу, куда ему следовало идти дальше. Не прошло и часа, как Александра вместе с такими же, как он, новобранцами, под усиленным конвоем солдат, начали строить у грузовиков, которые, будто в насмешку, были украшены табличками с надписью: «Люди».

Только однажды Александр увидел лицо матери: это было, когда его вели к грузовику. Мама взмахнула пакетом и бросила его сыну.

– Сашенька, это тебе в дорогу, покушать!

Рядом с мамой стоял Володя. Он что-то крикнул, но Александр ничего не расслышал.

Толпа провожающих оттеснила мать с Владимиром, и они скрылись из вида.

– Не положено! – услышал Александр чей-то грубый голос.

Он поднял глаза и увидел огромного роста сержанта.

– Посылки передаются военнослужащим срочной службы в установленном порядке. –

При этом сержант вырвал из рук новобранца пакет.

– По машинам! – раздалась чья-то команда.

Разноцветная масса новобранцев скрылась под тентами военных машин, и автоколонна начала движение.

Автомобиль повернул за поворот, и толпа провожающих скрылась из вида. Вместе с этой толпой исчезли и мама, и Маша, и Вовка, и вектор телепортации, исчезло всё – впереди была новая и неизвестная жизнь.

Неожиданно автомобиль остановился. Из кабины вышел офицер. Он подошёл к кузову и обратился к сержанту:

– Свиридов, остаёшься за старшего. Я отлучусь на пятнадцать минут. Мне здесь с одной дамой проститься надо. Потом наших догоним.

Офицер повернулся и исчез.

– Мы тоже время зря терять не станем, – усмехнулся сержант. – У кого деньги есть?

Сразу несколько рук стали протягивать купюры новому начальнику.

– А ты? – посмотрел сержант на Александра.

– У меня только – вот, – Александр указал на пакет, который лежал рядом с сержантом.

– Значит, с тебя закусь, – тут же нашёлся сержант.

Он подсчитал деньги, которые дали ему новобранцы и протянул их Александру.

– Видишь гастроном? – спросил сержант и показал на витрину магазина. – Возьмёшь две белые головки, пивка и пулей назад!

Александр выпрыгнул из машины и побежал в магазин исполнять первый приказ командира.

Не успел он скрыться в гастрономе, как к машине подошёл офицер.

– Что так быстро, товарищ капитан? – спросил сержант.

– Дома не застал. Вы там держитесь в кузове, сейчас своих догонять будем!

Машина рванулась с места. Новобранцы с испугом смотрели на своего командира.

Правая рука сержанта сжалась в огромный кулак. Он потряс им перед физиономиями новобранцев и зло прошипел:

– Если хоть кто-то пикнет – голову оторву.

Глава 3

Выйдя из института Владимир, по обыкновению, прошёл метров двести по аллее и сел на скамеечку под тенью старого дуба. Здесь обычно после лекций они с Саней обсуждали свои планы и предавались несбыточным мечтам. Здесь происходили научные споры, здесь родилась идея о векторе телепортации.

Сегодня Владимир сидел один. Не было споров, не было планов, не было его друга, с уходом которого, казалось, остановилась сама жизнь. Владимир тяжело вздохнул и хотел встать, чтобы продолжить свой путь домой.

– Сиди! – неожиданно услышал он знакомый голос.

Владимир вздрогнул от испуга. Этот голос он узнал бы из тысячи, но услышать его он не мог потому, что своими собственными глазами видел, как автомобиль увозил его друга в армию.

– Сядь! – снова приказал голос друга.

– Телепортация! – вырвалось у Владимира.

– Какая, к чёрту, телепортация, это я – Саня!

– Но ведь ты, ведь тебя, – начал бессвязно бормотать Владимир. – Я же своими глазами видел.

– А сейчас ты своими ушами слышишь, – прервал его Александр.

Владимир повернулся, чтобы увидеть друга, но тот снова остановил его.

– Голову не поворачивай. Я не хочу, чтобы меня кто-нибудь видел из наших. Нам надо поговорить, но так, чтобы никто не мешал.

– Есть такое место. У нас от деда гараж остался. Там уже год никто не был. Тебя устроит?

– Вполне.

Если бы гараж был живым и мыслящим организмом, то, несомненно, сегодняшний день сильно разволновал бы его. Он вспомнил бы, как много лет назад дед (вечная о нём память) под предлогом ремонта старого «Москвича» сбегал от своей старухи в гараж и оттягивался, что называется, по полной программе.

Дед открывал капот, снимал карбюратор и взирал на него взглядом профессора перед сложной операцией. Интересно отметить, что никаких показаний к оперативному вмешательству карбюратор не давал. Снятый карбюратор тут же привлекал к себе внимание соседей по гаражам, которые, обступив деда, устраивали консилиум.

Каждый мало-мальски образованный человек знает, что любая операция, от самой простой (отсечение аппендикса), и до самой сложной, не может происходить без применения самого распространённого медицинского препарата – спирта. Гараж, некоторым образом, отличался от операционной, поэтому спирт всегда заменяли водкой. Промыв горло водочкой, участник консилиума уделял в своей речи пару слов карбюратору, а потом непременно скатывался к политике и бабам.

Сегодня время будто повернулось вспять, правда, деда уже не было и «москвича» давно отправили на металлолом, но на верстаке гаража стояла бутылка водки, а внуки прежних героев, еле выговаривая слова, толковали, правда, не о карбюраторе, а о каком-то векторе телепортации.

– Я, когда услышал твой голос, подумал, что ты телепортировался из армии, – говорил Владимир, радуясь тому, что слово «телепортировался» выговорил с первого раза.

Александр, посчитав это неправильным, тут же налил водку в стаканы.

– Ну, давай за нашу Советскую армию!

Молодые люди выпили и заулыбались.

– Значит, это та самая водка, которую ты купил для старшины? – спросил Володя.

– Сержанта, – поправил Александр.

– Что же теперь ты ему скажешь?

– Кому? – не понял Александр.

– Сержанту.

– Ничего я ему не собираюсь говорить.

– Как это, не собираешься? Ты же всё равно должен будешь вернуться.

– Как ты думаешь, что они со мной сделают за то, что я сбежал из машины?

– А разве ты сбежал? Тебя же старшина в магазин послал!

– Сержант, – опять поправил Александр.

– Ну, сержант.

– Неужели ты думаешь, что сержант признается, что послал меня за водкой?

Владимир задумался и отрицательно замотал головой.

– Нет, он не признается. Тебя обвинят в дезертирстве и будут судить.

– Вот и я так думаю, – согласился Александр. – Тем более меня военкомат с милицией искал. Кстати, я ни одной повестки от них не получал.

Владимир залез во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда мятые бумажки.

– Вот твои повестки – ровно пять штук.

– А как они очутились у тебя?

– Я понимал, что после отчисления военные начнут беспокоить тебя. После института я заходил к тебе и проверял ящик.

– Зачем?

– Ты тогда работал над вектором телепортации, и я не хотел, чтобы они отвлекали тебя.

Жаль, что ты не успел с этим вектором, а то бы сейчас – фить, и никакой армии, – фить, и никакого философа.

– Почему не успел? – удивился Александр.

– Не понял, ведь ты говорил, что к концу подходил только теоретический расчёт, а ещё надо было найти материал...

– Я его нашёл, – спокойно сказал Александр.

– То есть как, нашёл? Ты хочешь сказать, что у нас есть материал для изготовления генератора?

Сообщение Александра так поразило Владимира, что он мгновенно протрезвел. Что же касается Александра, то он и не пьянел, потому как последние приключения так сильно воздействовали на него, что для хмеля не оставалось никаких шансов.

Александр открыл вторую бутылку, разлил по стаканам водку и продолжил:

– Нет, материала у нас нет. Его вообще нет на Земле.

– Фу ты! – почему-то облегчённо вздохнул Владимир. – А я уж было подумал...

– Но его можно получить искусственным путём – синтезом.

Владимир снова обомлел.

– Вот формула. – Александр взял с верстака гвоздь и написал её на ящике верстака.

– Ты что, с ума сошёл!? – Владимир сорвался с места, схватил напильник и сцарапал формулу с ящика. – Это же совершенно секретная информация!

– Какая же она секретная? – удивился Александр. – Аппаратура для этого синтеза есть в любой средней школе, я уже не говорю об институте.

– Дело не в аппаратуре, а в формуле!

– Формула это только начало, – стал оправдываться Александр. – Надо ещё изготовить генератор, испытать его, и вот тогда...

– Тогда договоримся так, – прервал товарища Владимир, – ты сидишь в гараже, работаешь, а я делаю всё остальное: изготавливаю твой парашёк, делаю по твоим чертежам генератор, кормлю тебя, пою. Только одна просьба – не вылезай, пожалуйста, из гаража.

И вот он, долгожданный прибор! Такой маленький, смешной, будто новогодняя игрушка, существующая только для того, чтобы вытащить её из коробки, повесить на ёлку, а после старого нового года – снять и опять засунуть в коробку.

– Неужели, эта штука, – удивлялся Владимир, – сможет...

– Должна смочь, – перебил Александр. – Если, конечно, мои выкладки оказались верны.

– За твои выкладки я спокоен, – уверенно сказал Владимир.

– И, конечно, если синтез происходил без нарушений технологии.

Володины глаза слегка забегали. Александр это заметил.

– Что случилось? – забеспокоился он.

– Да ничего особенного! Просто я одного реактива не мог достать. Ты сказал, что его можно купить в аптеке, а там не было.

– И ты тогда...

– И я его достал у лаборанта химлаборатории. Он заверил меня, что это одно и то же.

Александр вытащил из генератора мембрану и вставил её в микроскоп.

– Ну, так и есть, спектры не дотягивают!

– Значит, всё с начала? – виновато спросил Владимир.

– Всё сначала, – ответил Александр.

За воротами гаража что-то грохнуло, и стена дождя закрыла всё небо.

– Ничего себе, дождичек! – Выглянул за ворота Владимир. – С грозой, как полагается.

– Жалко, столько времени угробили на этот прибор, – посетовал Александр.

– А может, попробуем?

– Чисто теоретически, эти спектры можно расширить увеличением напряжения, – начал рассуждать Александр.

– Так давай попробуем, а вдруг получится?!

– Хорошо, – согласился Александр.

Изобретатель быстро собрал установку, подсоединил провода и взялся за ручку реостата.

– Включай! – скомандовал он Владимиру.

Володя подал напряжение, но ничего не произошло.

– Смотри, я сейчас буду увеличивать напряжение. – Александр медленно стал двигать ручку реостата.

Вокруг прибора заплясали небольшие огоньки, похожие на язычки пламени. Они слились в одну сферу и скрыли в себе прибор.

– Что это? – испугался Владимир.

– Вектор телепортации, – гордо ответил Александр.

– Тот самый?

– Тот, только очень маленький.

– А где генератор? – спросил Владимир.

– Он там.

– Где?

– Я не знаю. Для нас вектор очень маленький.

– Надо ещё увеличить напряжение, – посоветовал Владимир.

В этот момент от реостата пошёл небольшой дымок.

– На сегодня хватит, – сказал Александр и вернул ручку реостата в нулевое положение.

– Да, да, – согласился Владимир, – а то ещё устроим пожар, как тогда.

Владимир посмотрел на прибор, а потом на Александра.

– Кстати, а ты его заземлял? Напряжение приличное.

– Разве в гараже есть заземление?

– У моего деда всё было. Он даже сделал громоотвод, на всякий случай. Так что, если подсоединиться к громоотводу, то получится контур заземления.

– Ну, подсоедини корпус к контуру – хуже не будет, – согласился Александр.

Конечно, следовало проверить контур, но шёл дождь, и Владимир понадеялся, что ничего с громоотводом за несколько лет случиться не могло.

Не могло, но случилось. Сосед год назад устанавливал в гараже новые ворота. Грузовик, который привёз их, случайно зацепился за проволоку, вкопанную в землю, и вырвал её. Теперь, подсоединившись к такому «контуру», при попадании молнии в громоотвод, разряд должен был спалить не только прибор, но и всё, что находилось рядом с ним.

Дождь затихал.

– Беги домой, пока всё затихло, а то опять пойдёт, – посоветовал Александр.

Владимир накинул плащ и выбежал из гаража. Пробежав метров двести, он остановился и посмотрел на гараж.

Две огромные свинцовые тучи сомкнулись над крышей гаража. Сверкнула молния. Она, извиваясь как змея, пробежала по небу и вонзилась в громоотвод. Через мгновение раздался оглушительный взрыв. Владимир, ещё не понимая, чем он может помочь приятелю, снова побежал к гаражу.

Мгла, пронизывающая всё вокруг, действовала угнетающе и раздражающе. Тишина, в которой не было ни одной прорехи, казалось, действовала заодно со мглой.

Александр попробовал пошевелить рукой, но руки не было, он хотел повторить свой опыт с ногами, но тех не было тоже.

«Господи, неужели я останусь таким уродом на всю жизнь», – подумал Александр, и от ужаса хотел зажмурить глаза.

Увы, глаз тоже не существовало. Не было ни туловища, ни век, ни волос, ни головы.

«Но хоть что-то есть!?» – хотел крикнуть Александр, но голоса тоже не было.

Он просуществовал в таком положении какое-то время и стал понемногу приходить в себя.

«Но раз я соображаю, значит что-то осталось?» – подумал он.

Неожиданно Александр почувствовал, что он не один.

«Кто здесь!? Помогите!» – хотел крикнуть он, но смог только подумать это.

– Что ты орёшь? – услышал Александр совсем рядом.

Он хотел повернуть голову и посмотреть на того, кто сделал ему замечание, но не было не только головы, которую следовало повернуть, но и шеи, на которой она вращается.

– Не пытайся вертеть тем, чего у тебя пока нет, – услышал он снова.

Александра очень удивило слово «пока».

«Если пока нет, стало быть, в принципе, может быть впоследствии», – подумал он.

– Правильно рассуждаешь, – похвалил голос.

«Где я?»

– Так сразу нельзя, – сказал кто-то. – Ему нужна адаптация. Он думает, что если не находит тех ощущений, к которым привык раньше, то значит и вообще ничего нет.

– Обождите, обождите, – перебил голоса Александр, – значит, мне удалось найти вектор телепортации? Значит, я нахожусь в другом секторе реальности?

– Слава богу, догадался.

– Однако я не мог предположить, что в этом секторе невозможно получать ощущения, как в том, старом секторе.

– Всё ты можешь предположить, – сказал первый голос. – Если уж ты додумался до генератора, то до остального догадаться не составит труда.

– Да перестань ты мучить его, – возразил второй голос. – Объясни ему, где он.

– Тебе надо, вот сам и объясняй.

Какое-то время было тихо, но потом тишину нарушил второй голос.

– Ты находишься в обыкновенном информационном пространстве, поэтому ощущать можешь только то, что позволяет тебе информация, которой ты владеешь. Понял?

– Не совсем, – ответил Александр.

– Хорошо. Что ты думаешь о моём голосе?

– Ничего, – ответил Александр. – Если честно, то я и голоса-то никакого не слышу. Так, мысли какие-то.

– Всё правильно. В твоём сознание есть голоса, которые ты хотел бы слышать?

– Конечно. – Александр сразу представил себе Машу и её чудный голос.

– Отлично! – сказала Маша.

Александр снова хотел повернуть голову, чтобы увидеть девушку, но у него ничего не получилось.

– Не спеши, Сашенька, – сказала Маша. – У тебя всё получится. Попробуй теперь представить меня.

Александр тут же представил себе девушку, и перед ним появилась Маша. Огромные чёрные глаза смотрели на Александра и улыбались. Мраморная кожа обтягивала стройную фигурку и переливалась в лучах какого-то света, будто северное сияние.

– Однако не думала, что ты меня представишь обнажённой, – засмеялась Маша.

– Я просто не помню, какое на тебе было платье, – попытался оправдаться Александр.

– В этом секторе гормоны для личности ни к чему, – сказала Маша. – Более того, здесь ни к чему даже само тело. Все эти преобразования только для одной цели – чтобы ты смог побыстрее адаптироваться к нашему сектору. Поэтому, не будем ничего менять. Раз у вас положено ходить в платьях, значит, будем придерживаться ваших правил.

Не успела Маша это произнести, как оказалась одета в то платье, которое было на ней во время прогулки после библиотеки.

– Вот так-то будет лучше, – сказала Маша. – Теперь займёмся тобой.

«Мной?» – подумал Александр.

– Тобой. Ведь тебе неуютно существовать без ничего? А коль скоро себя со стороны ты видеть не мог, следовательно, представить тебя должна я.

– Только представь меня, пожалуйста, в одежде, – попросил Александр.

Он вдруг понял, что не подумал это, а сказал.

Александр поднял руки, нащупал голову и обнаружил на ней пышную шевелюру. Он нащупал шею и стал с наслаждением крутить головой. Он осмотрелся, но никого, кроме Маши, не увидел.

– Мы здесь одни? – спросил он её.

– Да ты что? На такую диковинку, как ты и я, сбежались посмотреть все, кто только может.

– На диковинку?

– Конечно. С вашего сектора в наш приходят, как бы это потактичнее сказать – без всего, без тела, значит.

– Без тела?

– А что ты так удивляешься? Ты же сам доказывал философу, что тела, как такового, не существует вовсе: есть информация, которая приобретает те или иные черты в зависимости от того, в какой части информационного поля находится.

– Стало быть, мои предположения оказались верны?

– Всё не можешь поверить? – засмеялась Маша.

– Но почему, в таком случае, все остальные не могут так же, как и мы, свою информацию воплотить в действительность?

– По очень простой причине, – ответила Маша. – Переход из одного сектора информационного поля в другой возможен только после того, как личность выполнит те задачи, которые на неё возложены. После этого личности распределяются по соответствующим секторам. А чтобы в этом деле не было случайностей, передача информации из одного сектора в другой строго-настрого запрещена. Только так возможно движение истины, которая формируется личностью, по секторам совершенствования.

– Значит, при переходе из одной жизни в другую, кроме истины, ничего с собой взять невозможно?

– Исключения бывают, – вздохнула Маша. – Был Вольф Месинг, была Ванга, а вот теперь мы с тобой и твоим генератором влезли.

– А ты-то здесь причём? – не понял Александр. – Я действительно влез со своим генератором, а ты? Я ведь просто создал твой образ своим воображением.

– Своей информацией, – поправила Маша.

– Значит, ты...

Александр, кажется, начал понимать, что произошло.

– Значит, я, – продолжила Маша, – существую в двух секторах одновременно: и там и тут. И всё это – истина.

– Откуда ты тогда так хорошо информирована?

– Мне открыта эта информация только с одной целью – передать её тебе.

– Зачем?

– Затем, что ты так же, как и я, оказался сразу в двух секторах одновременно.

– Ты хочешь сказать, что я тоже и там, и тут?

– Хочешь посмотреть?

– А это возможно?

– Конечно, только запомни главное правило: информация из одного сектора в другой может переходить только в границах нашего сознания.

– Чего? – не понял Александр.

– Да, ничего. Напряги своё воображение и вспомни, каким ты был, когда у тебя не было тела.

Неожиданно Маша исчезла. Александр хотел повернуть голову, чтобы осмотреться, но головы не было.

«Ты здесь?» – подумал Александр.

«Здесь, здесь, – ответила Маша. – Ты готов?»

Когда Владимир подбежал к гаражу, тот уже был полностью объят пламенем. Владимир распахнул ворота, и из гаража прямо ему в лицо вырвался огромный столб чёрного дыма. На полу под верстаком Владимир увидел две торчащие ноги.

– Саня, ты жив? – крикнул Владимир, однако ответа не последовало.

Юноша набрал в лёгкие воздуха и нырнул в чёрные, как смоль, клубы дыма. Он на ощупь отыскал тело приятеля и поднял его. Если бы в обычной обстановке кто-нибудь попросил сделать это, то Володя просто посмеялся: Александр был раза в полтора тяжелее Владимира. Но в экстремальной обстановке Володя даже не заметил тяжести. Он, с приятелем на руках, выпрыгнул из гаража и пустился бежать. Правая нога зацепилась за какую-то проволоку и Владимир с Александром упали на землю.

Володя хотел встать, но раздался взрыв: пламя добралось до канистр, где оставался бензин от «москвича». Канистры взрывались, вылетали в ворота гаража и, искореженные, падали рядом с молодыми людьми.

– Господи, сколько же вас там? – вырвалось у Владимира.

Последняя канистра пролетела над головами и шлёпнулась рядом.

– Саня, ты живой? – опять спросил Владимир.

– Ой! – услышал он в ответ.

– Слава богу, а то я уж думал...

– Где Маша? – неожиданно спросил Александр.

– Какая Маша? – не понял товарищ.

– Как, какая? Та самая, которая прилетела вместе со мной с того света.

– Только этого не хватало! – испугался Владимир.

Александр открыл глаза и посмотрел на приятеля.

– У меня голова, ноги, руки, туловище на месте?

– Так и есть – ударился головой. – Володя стал осматривать и ощупывать голову приятеля.

– Всё, всё, больше не надо! – взмолился Александр. – Чувствую, что всё на месте. Мы где – на этом или на том свете?

– Я Владимир – товарищ твой!

– Я понимаю, что товарищ. Ты, товарищ, с какого сектора?

Послышался вой сирен пожарных машин. Пожарники осмотрели Александра и подошли к Владимиру.

– Что здесь произошло? – спросил офицер.

– Молния. Попала прямо в гараж.

Из подъехавшей скорой помощи вышли врачи и направились к офицеру.

– Единственный пострадавший, – кивнул головой офицер в сторону Александра.

– Ожоги, отравление? – спросил доктор офицера, склоняясь над больным.

– Здесь психиатр нужен, – пояснил офицер.

– Вас как зовут? – спросил Александра доктор.

– Александр.

– Это уже неплохо, – похвалил врач. – А где вы живёте?

– На этом свете я должен жить в армии, но так получилось, что приходится жить в гараже.

А на том свете...

Александр задумался и вдруг понял, что не может сказать, где он живёт на том свете.

– Там нет адреса, – сказал он врачу.

– Это где нет адреса? – не понял доктор.

– На том свете. Собственно, того света нет вовсе, – стал объяснять Александр. – Тот свет – это этот свет. Просто, всё разбито на сектора.

– То есть как, это тот свет, это этот свет? – переспросил офицер.

– Вот только не надо вмешиваться, – тут же сделал замечание офицеру доктор.

– Вам просто не понять, – продолжал Александр.

– Нет, нет, он не поймёт, – согласился доктор, – он пожарник – его дело тушить пожары.

Мы сейчас с вами пойдём и во всём разберёмся.

К Александру подошли два санитары, и повели его в машину.

– Что с ним? – спросил доктора Владимир.

– Редкий случай, – сказал доктор. – Раздвоение личности. Ему кажется, что он живёт и на этом и на том свете одновременно.

– Он поправится? – спросил Владимир?

– Надо надеяться, – ответил доктор. – Случай, как я вам говорил – сложный.

Каждый, кто хотя бы раз имел дело со съёмными зубными протезами, знает, что изготовление их – дело долгое и болезненное. Новые протезы начинают натирать слизистую оболочку рта, принося этим нестерпимую боль обладателю пластмассового изделия. Пациент вынужден несколько раз обращаться к врачу, чтобы осуществить так называемую подгонку. К физическим страданиям прибавлялись и нравственные: менялась дикция, которая восстанавливалась только через определённое время.

Философ продолжил читать свои лекции по марксистско-ленинской философии только после того, как ему изготовили новые съёмные протезы. Чтобы нагнать пропущенный материал, расписание составили так, что в аудитории размещали не одну, а две группы.

Студенты, которые прекрасно помнили, как расправился преподаватель с их товарищем, внимательно слушали лектора, но не потому, что их увлекал диалектический материализм, а с целью обнаружить какую-нибудь неточность, уцепиться за неё, вывернуть, и, тем самым, отомстить ненавистному преподавателю за своего собрата.

После тридцати минут напряжённой речи философ начал слегка подщипывать и подшипливать. Протез, подобно острому ножу, впился в десну, и при каждом, даже очень лёгком движении челюсти, приносил жуткую боль. Преподаватель морщился, отворачивался, но всё равно не смог скрыть этого от аудитории. Сначала послышалось слабое хихиканье, а потом дело дошло до выкриков.

– Смотри-ка, как его от развитого социализма коробит! – донеслась до философа чья-то реплика.

Преподаватель замолчал, осмотрел аудиторию и покраснел, как рак.

– Кто это «сосал»? – строго спросил он.

Взрыв смеха содрогнул аудиторию.

– Я тьебую пьекатить эти...

Далее преподаватель хотел сказать: «антисоциалистические выходки», но понял, что не в состоянии этого сделать.

Зато студенты всё прекрасно поняли. К хохоту прибавилось улюлюканье и свист.

Не дождавшись звонка, преподаватель выбежал из аудитории.

Студенты радовались своей победе, однако среди них был человек, который, хотя и присутствовал в аудитории, но в действительности там не находился.

– Маша, – трясла за плечо свою подругу Наташа, – очнись!

Маша посмотрела на подружку и удивлённо спросила:

– Где я?

– Уснула, что ли?

Маша отрицательно помотала головой.

– Ты что, не рада, что этому козлу отомстили за твоего Саню?

– Саню? – переспросила Маша. – А где Саня?

Маша посмотрела на подружку так, будто та специально где-то спрятала от неё Александра.

– Как это, где? – не поняла Наташа. – В армии. Где же ему ещё быть?

– В армии? А что он там делает?

– Как, что? То, что и все нормальные люди – служит Родине.

– Нет, в армии его нет и быть не может.

– А где же он может быть?

Наташе вдруг пришла в голову мысль, что у её подруги не всё в порядке с головой, но она тут же эту мысль отогнала от себя.

«Вот, что любовь делает! – подумала она. – Надо эти отношения разрушить, а то этот неудачник её до психушки доведёт».

– Скорее всего, он сейчас в больнице, – ответила Маша.

– А что он там делает? – не поняла Наташа.

– Он там ничего не делает. Это из него там хотят психа сделать.

Да, подружка, смотри, как бы он и из тебя психа не сделал. Я ведь предупреждала тебя: неудачник, он и есть неудачник.

Доктор прекратил задавать свои идиотские вопросы и оставил Александра одного.

– Отдыхайте, – сказал он, выходя из палаты. – Сейчас придёт сестра и даст вам успокоительного.

Как только дверь палаты закрылась, мозг «больного» стал лихорадочно искать выход из создавшегося положения. Он представлял то один вариант, то другой, но выхода всё равно не было.

«Господи, сейчас бы Машу сюда, вдвоём бы что-нибудь придумали», – подумал Александр.

Дверь открылась и в палату вошла сестра. На небольшой, изогнутой кюветочке она несла зловещий шприц.

«Сейчас колоть начнёт, и я действительно стану психом», – подумал Александр.

– Успокойся! Не буду я тебя колоть, – ответила сестра.

Александр поднял глаза и увидел перед собой Машу.

– Это ты? – не поверил он своим глазам.

– Я. А ты хотел, чтобы тебя накачали вот этим?

Она поставила кюветку на тумбочку и показала на большую ампулу.

– А что ты сделала с сестрой? – испугался Александр.

– Я ничего с сестрой не сделала. Я и есть самая настоящая сестра.

– Так ты сестра, или Маша?

– А что, сестра не может быть Машей?

Александр потряс головой. Так обычно делают в том случае, если хотят поставить мозги на место.

– Ну, давай, давай, вспоминай побыстрее, – стала торопить его Маша. – Ты, благодаря своему генератору, из нулевого сектора попал в первый и при этом умудрился сохранить информацию нулевого уровня на первом, а информацию первого уровня...

Маша вопросительно посмотрела на Александра.

– Ты помнишь, про первый сектор?

Александр вспомнил про мглу, про то, как был без тела и про Машу.

– Всё! Вспомнил! – обрадовался он.

– Теперь ты понимаешь, почему при переходе из одного сектора в другой, кроме истины, никакая информация не должна передаваться.

Александр отрицательно помотал головой.

– Ты только попробовал и сразу оказался в психушке.

– А ты? С тобой всё в порядке?

– Относительно, – уклончиво ответила Маша. – Моя лучшая подруга пообещала мне, что если я не перестану думать о тебе, то тоже стану психом.

– Это Наташка, что ли?

– Она.

– Эта Наташка сама псих, – возмутился Александр.

– Да нет, она то, как раз, нормальная, это мы с тобой слишком далеко зашли.

– Однако надо что-то делать, – перебил сестру больной.

– Я тут подумала немного и вот к какому неутешительному выводу пришла: все нормальные люди переходят из одного сектора в другой, не имея возможности менять информацию. Твоё гениальное изобретение позволило нам находиться в двух секторах одновременно. Чтобы процесс снова стал протекать естественно, нам надо уйти из нулевого сектора в первый, навсегда забыв про наше прежнее существование.

– Умереть, что ли? – недовольно спросил Александр.

– Да, в этом секторе именно так это и называют.

Александр сделал недовольную физиономию.

– В таком случае, – поняла его Маша, – нам придётся выкручиваться и там, и тут одновременно. Ты же изобрёл генератор, который открывает дорогу туда, а чтобы уйти оттуда – генератора нет.

– Нет. Про обратный путь я даже не подумал.

– Я думаю, ничего страшного с нами не произойдёт. Главное – это отделить мух от котлет и не передавать информацию из одного сектора в другой.

– Другими словами, надо жить, как жили и всё, – согласился Александр.

– Со мной никаких проблем нет, – сказала Маша, – а вот с тобой есть. Оставить всё без изменений, значит отдать тебя на съедение этим докторам.

– Если бы только это! – вздохнул Александр.

– А что ещё?

– А ещё, если меня найдут, то будут судить за дезертирство – это раз.

– А два? – испугалась Маша.

– А два – это Вовка. Он знает, что я сбежал с армии и жил в гараже. И если всё оставить развиваться естественным путём, то меня ждёт либо психушка, либо тюрьма.

– Хорошо, давай подправим чуть-чуть информацию.

Когда новобранцев привезли в войсковую часть, оказалось, что одного человека не хватает. Поиски по горячим следам ни к чему не привели, поэтому пропавший был обвинён в дезертирстве и объявлен в розыск.

Капитан, который был старшим в автомобиле, отделался замечанием, а вот об сержанта вытерли ноги все, кто только могли. И не избежать бы ему трибунала, если бы он не нашёл пятерых свидетелей, которые письменно подтвердили, что собственными глазами видели, как дезертир дал дёру в то время, как сержант отошёл от автомобиля на два метра, чтобы перекурить.

Всё кончается когда-то. Случай с беглецом забылся, и все занялись исполнением своих непосредственных обязанностей: милиция ловила дезертиров, а военные служили отечеству, не щадя живота своего. За следующей партией новобранцев послали того же капитана и того же сержанта.

На этот раз никаких сюрпризов не было. Капитан прощался со своей зазубой ровно двадцать минут, а новобранец прекрасно успел сбежать в гастроном, чтобы купить для сержанта две бутылки водки и три бутылки пива. Однако далее произошли некоторые изменения:

Проезжая мимо гаражей, автомобиль завизжал тормозами и резко затормозил. Раздался взрыв. В воздухе мелькнул какой-то предмет. Он ударился в ветровое стекло автомобиля и обдал всю машину пламенем.

– Воздух! – вырвалось у капитана по привычке.

Офицер выпрыгнул из кабины, распластался на асфальте и закрыл руками голову.

– Из машины! – скомандовал сержант.

Из кузова как горох посыпались новобранцы. Они падали на землю и, как капитан, закрывали руками свои головы.

После очередного взрыва новобранец, лежавший рядом с сержантом, вскочил и побежал в сторону горящей машины.

– Смирнов, назад! – крикнул сержант, но новобранец не слушал его.

Он юркнул в кабину, вытащил огнетушитель и стал сбивать пламя с машины. Капитан поднялся с земли и подбежал к сержанту.

– Новобранец знает лучше, чем вы, как действовать на пожаре!

Сержант вскочил и начал куском брезента сбивать с машины остаток пламя.

– А ну, ребяташки, помогай! – кричал он.

С огнём справились быстро. Сержант построил новобранцев и пересчитал их.

– Одного нет, – доложил он капитану.

– Да вот же он! – указал новобранец на фигурку, бежавшую в сторону гаражей.

– Удрал! – крикнул сержант.

– Сам-то ты удрал, – проворчал капитан. – Если бы не он, сейчас бы так рвануло, что от нас и мокрого места не осталось! Ты оставайся с новобранцами, а я пойду к нашему герою.

– Есть! – ответил сержант.

Когда капитан подошёл к гаражам, врачи усаживали Александра в машину.

– Это наш! – сказал капитан доктору. – Что с ним?

– Похоже на сильное сотрясение мозга, – ответил доктор.

После того, как капитан доложил о случившемся начальнику штаба, тот долго ходил по кабинету и о чём-то думал. Подполковник подошёл к сейфу, вытащил из него какие-то списки и начал сравнивать их с другими списками.

– Так как ты говоришь фамилия этого героя? – переспросил подполковник.

– Смирнов, – ответил капитан. – Я в рапорте всё указал.

– А как фамилия нашего дезертира?

– Тоже Смирнов, – ответил капитан уже не так бойко. – Может быть, они однофамильцы?

Подполковник протянул капитану списки, которые он вытащил из сейфа.

– Это перечень новобранцев, которые должны сегодня прибыть в расположение части.

Как видите, здесь нет никакого Смирнова. А вот списки, в которых фигурирует Александр Смирнов, но он, как вам известно, не доехал до части, дезертировал и был объявлен в розыск. Как имя вашего героя?

– Александр, – еле выговорил капитан.

– Что же, в таком случае, получается?

– Получается, что он никуда не бежал.

– А как он мог появиться в этой машине, если в военкомате он в неё не садился?

Капитан, видимо так был поражён сообщением начальника штаба, что, забыв устав, без разрешения осел на стоящий рядом стул.

– Кто сообщил, о факте дезертирства? – спросил подполковник.

– Сержант Свиридов, – ответил капитан.

– А кто был в кузове вместе с новобранцами, когда это случилось?

– Тоже сержант Свиридов.

– Ваша информация о побеге основана на единственном источнике – сержанте Свиридове, – заметил подполковник.

– Но я опрашивал бойцов, которые были в машине, – попробовал оправдаться капитан.

Подполковник подошел к капитану, сжал ладонь в огромный кулак и подставил его к самому носу капитана. Тот, не ожидая этого, выпучил на начальника штаба глаза и поднялся со стула.

– Вот и у сержанта был отличный аргумент заткнуть рот любому бойцу.

Подполковник убрал из-под носа собеседника кулак и показал глазами на стул. Капитан снова сел.

– Надо поговорить с этим Смирновом.

– Это невозможно, товарищ подполковник.

Начальник штаба непонимающе посмотрел на капитана. От этого взгляда тот снова поднялся со стула.

– Я уже пробовал это, но у больного, – капитан покрутил пальцем у виска, – проблемы с головой.

– Он, что, чокнулся?

– Так он вроде нормальный, но иногда заговаривается. Врачи говорят, что это раздвоение личности. Короче, верить его словам нельзя: он навывдумывает того, чего не было и сам в это поверит.

– Тогда сделаем так, – задумчиво сказал подполковник. – Надо загнать сержанта в какую-нибудь командировку, чтобы он не имел контактов с бойцами, и снова допросить бойцов.

– Но если они снова...

– И никаких если, – оборвал подполковник. – Поговорите с ними так же, как с ними разговаривал сержант.

При этом подполковник сжал свой кулак и начал двигать его по направлению к носу капитана.

– Не надо. Я всё понял, товарищ подполковник.

При следующей встрече капитана с начальником штаба разговор шёл при плотно закрытых дверях и почти шёпотом.

– Никакого дезертирства не было! – докладывал капитан. – Бойцы во всём признались.

При этом капитан посмотрел на свои руки. На них явно были обозначены синяки, а на правой руке виднелись ссадины.

– Что это? – спросил подполковник.

– Как вы приказывали – аргументы.

– Ну, не до такой же степени!

– Они не раскальвались вначале.

– Ну да, Бог с ними, докладывайте, что удалось узнать?

– Этот придурок, – начал капитан, – я сержанта имею ввиду, сам приказал ему сбежать.

– То есть, как это, приказал?

– Очень просто. Он собрал деньги с новобранцев и послал его якобы за водкой.

– Почему, якобы? – не понял подполковник.

– Потому что Смирнов больше не возвращался. А сержант показал новобранцем свой аргумент, – капитан сжал свой кулак и с большим наслаждением повертел им у носа полковника, – и приказал молчать. Так и сказал: «Если кто пикнет, голову оторву!»

Подполковник поморщился и рукой отвел от своего носа кулак капитана.

– Это уже лишнее. Я понимаю.

Подполковник долго ходил по кабинету и о чём-то думал. Но вот он остановился у капитана и со страхом посмотрел на него.

– Значит, он использовал военнотружашего в качестве...

Подполковник замолчал, не решаясь произнести то, что крутилось у него на языке.

– Раба, – пришёл ему на помощь капитан.

– Да тише ты! Такое слово даже шёпотом произносить нельзя. Ты хоть представляешь, что с нами будет, если этот факт вскроется?

Капитан, представил, его лицо вдруг побелело, а руки затряслись, как у хронического алкоголика.

– Надо с этим что-то делать! – уже не приказал, а взмолился полковник.

– Ну, с героем, слава Богу, ясно, – начал рассуждать капитан. – У него с головой не всё в порядке, так что он не в счёт.

– Это у него сейчас не всё в порядке, а завтра, когда его вылечат? Ты вот что, капитан, займись-ка этим героем. Сделай так, чтобы он из госпиталя не вышел.

– Вы имеете в виду... – испугался капитан.

– Да ты что, сам с ума сошел? – догадался подполковник. – Я имею в виду, чтобы его в часть не выписывали, а уволили из армии по состоянию здоровья.

– Комиссовали?

– Конечно. Если его комиссуют по этому делу, – начальник штаба повертел указательным пальцем у виска, – то пусть потом говорит всё, что угодно. Кто же психу поверит?

– А сержант? – забеспокоился капитан.

– А сержанта я возьму на себя, – заверил начальник штаба. – Я сошлю его туда, куда Макар телят не гонял. Оттуда тоже нормальным ещё никто не возвращался.

Следователь уже второй час мучил своими вопросами Владимира.

– Я не понимаю, зачем вам выгораживать своего приятеля? – убеждал молодого человека следователь. – Он отчислен из института за злостное хулиганство, его выгнали с комсомола и, наконец, он докатился до дезертирства!

– Да не докатывался он до дезертирства! – не соглашался Владимир. – Они сами потеряли его.

– Кто они? – не понял следователь.

– Военные.

– Какие военные? Что ты говоришь? Его в военкомат забирали вместе с милицией.

– И это неправда. В военкомат он пришёл сам.

– Пришёл и снова сбежал. Вот, посмотри.

Следователь вытащил из стола листок бумаги и протянул его Владимиру. На листке была изображена фотография Александра, а в самом верху большими красными буквами было написано: «Их разыскивает милиция!»

– Ты хочешь соучастником стать? – напирал следователь.

– Я не буду давать никаких показаний, – стал терять самообладание Владимир.

– Дело хозяйское.

Милиционер взял ручку и стал заполнять протокол допроса.

Во время заполнения бланка следователь разговаривал то ли сам с собой, то ли с допрашиваемым.

– Что мне, больше всех надо? Можно подумать, это у меня неприятности будут?

Владимира удивило бормотание милиционера, особенно то место, где он рассуждал про неприятности.

– Это вы намекаете, что неприятности могут быть у меня? – переспросил он следователя.

– Конечно, у вас, – твёрдо заявил следователь. – Вы – соучастник преступления.

– Я?!

– Ну, не я же? Его в вашем гараже обнаружили. Это значит, что вы помогали дезертиру укрываться от выполнения его гражданского долга, а это значит...

– Никого я не укрывал! – возмутился Владимир. – Мы просто с приятелем делали опыты.

– Какие опыты?

Владимир понял, что начинает болтать лишнее.

– По физике. Готовились к лабораторной работе, – начал выкручиваться Владимир.

– Какие лабораторные работы? Ваш приятель был отчислен из института.

Володя замаялся, думая, как ответить на вопрос, но следователь сам помог ему.

– Значит, он вам помогал делать лабораторные работы?

– Да, – согласился Владимир.

– И сколько дней вы с ним делали эти работы? – следователь хитро посмотрел на допрашиваемого. – Три дня или четыре?

– Три, – признался Володя.

– Правильно, три дня назад он и дал дёру, – улыбался следователь.

Его рука, с необычайной скоростью записывала показания Владимира. Наконец он закончил и положил протокол перед Владимиром.

– Подписывайте.

– Что это? – не понял Володя.

– Ваши собственные показания.

– Но я, собственно, ничего такого не показывал.

– Вот ничего такого и подписывайте.

Владимир взял ручку и нерешительно подписал показания. Следователь взял подписанный протокол и откинулся на спинку стула.

На его лице отразилась самодовольная улыбка. Видимо, он представил себе, что поймал не одного преступника, а сразу двух. Он уже был готов нарисовать Владимиру во всех красках перспективы ближайшего будущего двух приятелей, но его прервал телефонный звонок. Милиционер скорчил недовольную гримасу и поднял трубку.

– Да, – коротко сказал он.

Неожиданно самодовольное выражение лица стало отражать удивление и непонимание.

– То есть, как это не было дезертирства? Так ведь они сами подали его в розыск!

На другом конце провода, видимо, привели такие аргументы, от которых следователь даже прижал уши.

– Но у меня свидетель есть, что он три дня находился в гараже! – снова попытался возразить следователь – Я в руках держу протокол, где чёрным по белому...

Из трубки снова донёсся аргумент громкий и грозный.

– Куда, куда засунуть? – не поверил своим ушам милиционер.

Он аккуратно положил телефонную трубку, посмотрел на протокол допроса и со злостью швырнул его в сейф.

– Вы никогда этих показаний не давали и ничего не подписывали. Вам ясно?

Теперь Владимиру ничего не было ясно.

– Если честно, то ничего не ясно.

– Не было никакого дезертирства. И в гараже вы никаких лабораторных работ не делали.

– То есть, как это не делали?

– А вот так. Напутали что-то военные. Служит ваш приятель в армии, как ему и положено.

– Он же в больнице! – не понял Владимир.

– В госпитале, – поправил следователь. – Его перевели из больницы в госпиталь потому, что он получил травму при исполнении служебных обязанностей.

– А как же гараж? – почему-то шёпотом спросил Владимир.

– Никакого гаража не было. Ваш товарищ получил травму при тушении пожара военной техники.

– А гараж? – не успокаивался Владимир.

– Что вы привязались ко мне со своим гаражом? – разозлился следователь. – Вы всё сами придумали, чтобы засадить своего приятеля за решётку.

– Я!? – От такой наглости перехватило дыхание. – Мне-то зачем это надо?

– Откуда я знаю? Может быть, вы с приятелем девицу поделить не можете. Такое бывает. Пока Владимир приходил в себя, следователь заполнил пропуск и всунул его в руку молодому человеку.

– Идите, и больше такими делами не занимайтесь.

Владимир вышел из отделения милиции и остановился. Таким оплётанным он не чувствовал себя никогда. Как этот следователь ловко выкрутился! Кто-то позвонил по телефону и сразу всё решили свалить на человека, который ну никак не был заинтересован в том, чтобы Александра поймали. А тут: и опытов не было, и горел не гараж, а какая-то военная техника.

К Владимиру незаметно подошли две девушки и один молодой человек. Они остановились и стали откровенно разглядывать его.

– Вовка, ты что стоишь с такой физиономией, будто тебя пыльным мешком из-за угла ударили? – спросил парень.

Володя поднял глаза и увидел студентов из своей группы: Наташу с подружкой Машей и Андрея, который в последнее время явно волочился за Наташей.

– Да, наверно, так оно и есть, – ответил Володя.

– Тебя эти вызывали? – Андрей показал взглядом на отделение милиции.

Владимир кивнул головой.

– Это насчёт пожара? – уточнила Наташа.

– Какого пожара? – спросил Андрей.

– Сегодня взорвалась военная машина, – стала рассказывать Наташа. – В машине загорелись канистры с бензином. Они стали взрываться и разлетаться в разные стороны. Одна угодила в гараж.

– Какая машина? – не выдержал Владимир. – Не было никаких военных машин. Это всё происходило на моих глазах. И, к тому же, это было не сегодня, а третьего дня.

Наташа подозрительно посмотрела на Владимира и скосила глаза на здание милиции.

– Володя, а они не били тебя по голове? – спросила она.

– Прекрати издеваться! – перешёл на повышенные тона Владимир.

– Брек, брек, брек, – тут же разрядил обстановку Андрей. – Никто ни перед кем не издевается.

– А что же она!? – начал было Владимир.

– Она ничего плохого не имела ввиду, – продолжал Андрей. – Но и её можно понять. Не придумала же она это?

– Надо проверить, – неожиданно предложила Маша, которая до сих пор участия в разговоре не принимала.

– Каким образом? – спросил Володя.

– Пожар закончился часа два назад. Наверняка, пожарники ещё там.

Друзья подошли к гаражам.

На залитой водой площадке возле гаража стояла красная машина. Пожарники лениво скручивали мокрые рукава.

Владимир подошёл к пожарному офицеру.

– Когда это случилось? – спросил он у него.

– Сигнал поступил три часа назад, – ответил офицер.

– В гараж попала молния?

– Какая молния, молодой человек? Ты на небо посмотри.

Владимир посмотрел на голубое небо, где не было ни одного облачка.

– Из-за чего же тогда всё произошло?

– На военной машине взорвались канистры...

Владимир не дал договорить офицеру.

– Какая военная машина!?

– Да вон та, – офицер показал на остов закопченного военного грузовика.

– А парень? На пожаре должен был пострадать парень!

– Солдатик? Так его уже увезли.

Владимир отошёл от офицера и заглянул в распахнутые ворота гаража. Неожиданно его блуждающий взгляд остановился. Он заскочил в гараж и вышел оттуда с пустой бутылкой из-под водки.

– Вот она! – радостно воскликнул он. – Мы эту бутылку распили с Саней позавчера! Это же доказательство!

Он подошёл к офицеру и показал ему бутылку.

– Вы видите? Это бутылка! Я её нашёл в гараже!

– Парень, если ты найдёшь мне хотя бы один гараж, в котором не было бы пустой бутылки из-под водки, я тебе целый ящик поставлю, но не пустых бутылок, а полных.

Володя отошёл от офицера и непонимающе посмотрел на друзей.

– У меня предложение! – сказал Андрей. – Давайте разберёмся во всём по-русски!

– Это как? – спросил Владимир.

– С помощью бутылок, разумеется!

Через час друзья сидели в кафе и пытались разобраться, был ли пожар сегодня или третьего дня.

– Я уже и сам сомневаюсь, когда был этот проклятый пожар, – говорил Володя, тупо разглядывая доньшко пустой стопки.

– Давай ещё по одной, чтобы никаких сомнений не оставалось! – Андрей заполнил стопки и заставил товарища выпить.

– А может быть, мне всё это приснилось? – вдруг спросил Владимир.

– Точно, приснилось, – подтвердила Наташа. – Помнишь, как Смирнов с нашим философом спорил? Он говорил, что во сне мы так же, как и наяву, ощущаем состояние абсолютной реальности.

– Неужели, мне это всё приснилось? – не верил Володя.

– Конечно, – подтвердила Наташа. – Володя, расскажи нам свой сон. Должно быть, он очень интересный, коли ты в него так поверил!

Рассказ действительно был интересным, потому, что собеседники Владимира раскрыли рты от удивления и не перебивали рассказчика. Лишь когда он замолчал, после непродолжительной паузы, прозвучал первый вопрос.

– Значит, вектор телепортации? – спросил Андрей.

– Да, Саня высчитал формулу, мы собрали генератор и подсоединили его к громоотводу.

– А почему к громоотводу? – поинтересовалась Маша.

– У нас не хватало напряжения. Мы хотели увеличить его, но реостат задымился. Я посоветовал Сане заземлить прибор через громоотвод.

– При попадании молнии в громоотвод, весь заряд должен был уйти в землю, а не в прибор, – рассуждал Андрей.

– Теперь-то я это понимаю, а во сне мне казалось, что молния ударила в прибор, и произошёл пожар.

– А ведь Смирнов был недалёк от истины, когда спорил с философом! – воскликнула Наташа. – Ты рассказываешь так, будто всё это было на самом деле.

Маша с испугом посмотрела на подружку и тут же отвела взгляд.

– Жаль только, что это всего лишь сон, – продолжала Наташа.

После этих слов лицо Маши снова стало спокойным. Более того, оно повеселело.

– Этот генератор, о котором ты говоришь, – улыбнувшись, сказала она Владимиру, – давно изобрели.

Девушка скосила глазки на бутылку и подмигнула друзьям. Андрей тут же понял намёк. Он наполнил стопки и приготовился провозгласить тост.

– За вектор телепортации! – засмеялся Андрей и постучал пальцем по зелёной бутылке.

– И всё-таки я ещё не могу поверить, что мне всё это приснилось, – опять начал Володя.

– Это легко проверить, – сказала Наташа. – Если Саня никуда не дезертировал, то его могли увезти только в военный госпиталь.

После того, как друзья допили свой вектор телепортации, весёлая компания направилась в военный госпиталь.

Сотрудница в справочном окне немного поведив пальцем по журналу, посмотрела на Владимира.

– Да, поступал такой.

– Так он военный? – переспросил Владимир.

– У нас гражданских не бывает.

Сотрудница скрылась из вида, а через мгновение амбразура справочного окна была закрыта фанеркой с надписью: «перерыв».

Как бы ни было хорошо весёлой компании проводить вместе время, но надо было расходиться. Владимир, скорее всего, пошёл домой смотреть свои реалистичные сны, Наташа, повиснув на руке у Андрея и что-то мурлыкая ему на ухо, готова была идти с ним куда угодно, а Маша, почему-то, пошла к сгоревшему гаражу.

Военный госпиталь, куда был переведён Александр, отличался от городской больницы, в которую он попал сразу после пожара. Если в гражданской клинике пострадавшего разместили в отдельной палате, то здесь он находился в обществе молодых солдат, которые попали сюда, главным образом, из-за отравления.

Обследовав больного, врачи пришли к выводу, что Александр просто сильно испугался на пожаре и поэтому нёс какую-то околесицу. Сейчас, когда парень успокоился, никакой патологии выявлено не было. Его хоть сейчас можно было выписывать в часть, но командиры солдата шарахались от него, словно от чумы. «Ищите у него какие угодно болезни, но в части ему делать нечего – комиссуйте и всё». А какие болезни можно найти у молодого и здорового парня? Правда, есть такие болезни, которыми награждён каждый человек – это психические заболевания. В той или иной степени, любому человеку можно поставить диагноз: либо параноя, либо шизофрения. Тут дело не в болезни, а в так называемой степени этого заболевания. Как известно, все гениальные люди просто обязаны иметь психические отклонения, иначе, какие же они тогда гениальные? Поразмыслив немного, госпитальное начальство решило выдержать немного молодого парня в госпитале и отпустить его с богом на все четыре стороны. Однако, так как здоровых людей в госпитале держать нельзя, Александру была прописана успокоительная терапия.

Медсестра присела на краешек кровати больного и заглянула ему в глаза.

– Поговорить надо, – тихо шепнула она ему.

– Это невозможно, – ответил Александр. – Здесь всегда полно народу.

– Это можно сделать в первом секторе, – предложила сестра.

– А там никого нет?

– Там ещё больше народа.

– Предлагаешь поменять шило на мыло? – усмехнулся Александр.

– По крайней мере, там нас никто не будет считать сумасшедшим, – пояснила сестра.

Глава 4

Оказавшись в первом секторе, Маша сразу начала рассказывать Александру про встречу с Владимиром.

– Обожди, не так быстро, – попросил Александр. – И прими вид нулевого сектора. Я ещё не привык, когда вокруг ничего нет.

Перед Александром появилась Маша в больничном халате.

– Нет, нет, вот этого не надо! – забеспокоился Саша. – Мне эти халаты вот где уже сидят. Он выразительно провёл ладонью руки по горлу.

– Капризный, как девица! – возмутилась Маша, но всё-таки заменила белый халат на знакомое платье.

– После того, как мы расстались, – продолжала Маша, – я пошла к гаражу и осмотрела громоотвод.

– А при чём тут громоотвод? – не понял Александр.

– Дело в том, что вам не хватило напряжения. Не так ли?

– Да. Мы так и не смогли выйти на расчётный уровень.

– Расчётный уровень!? Стало быть, он действительно существует! – оборвала диалог чья-то информация.

– Кто это? – испугался Александр.

– Прошу прощения, господа, но я не смог удержаться. Позвольте представиться – Ричард, королевский звездочёт.

– Звездочёт? – удивился Александр.

– Да, звездочёт, а что здесь удивительного?

– Вы бы приняли вид нулевого уровня, а то нам очень трудно вас представить, – посоветовала Маша.

– А он не может принять вид нулевого уровня, – вмешалась ещё одна информация. – Последняя информация, которая отображала его на нулевом уровне, находится в таком состоянии, что лучше её никому не показывать.

– Это мой ученик и вечный оппонент – Джон, – представил информацию Ричард.

– А что сделали с вами на нулевом уровне? – спросила Маша.

– Меня просто сожгли на костре, – спокойно ответил Ричард.

– Нас сожгли вместе на базарной площади, – признался Джон.

– За что же? – поинтересовался Александр.

– Я высказал своё предположение о многоуровневом устройстве мироздания, – ответил Ричард.

– Товарищи! – прервала разговор Маша. – Вы все видели, как я заменила больничный халат на платье?

– Я не понял, чьи товарищи, ваши или наши? – спросил Ричард.

– Слово «товарищ», – стала объяснять Маша, – никакого отношения не имеет ни к вашим товарищам, ни к нашим.

– Зачем же использовать информацию, которая ни к чему не имеет отношения? – поддержал своего приятеля Джон.

– Не будем спорить, – прервал Джона Ричард. – Если у них так принято, то пусть используют эту информацию. Я хочу сказать насчёт платья – у меня его просто нет.

– Пусть Джон представит тебя, Ричард, не таким, каким ты отображался в последние мгновения пребывания на нулевом уровне, а таким, каким он тебя хочет представить.

– А я представлю Джона, – обрадовался Ричард.

Неожиданно рядом с Машей и Александром появились два молодых мужчины в римских туниках и сандалиях. У одного мужчины голову венчал лавровый венец.

- Мужчина нащупал руками венец и с благодарностью посмотрел на своего приятеля.
- Не думал, Джон, что ты такого высокого мнения обо мне.
 - Ты всегда считал, что я тебя недооцениваю.
 - Но почему в римском одеянии? – спросил Ричард.
 - Мне так захотелось тебя представить, – ответил приятель. – Кстати, ты меня представил так же, только без лаврового венка.
 - Однако вернёмся к вашему рассказу, – забеспокоился Ричард. – Вы сказали, что не достигли расчётного уровня?
 - Да, именно это я и сказал.
 - Следовательно, был какой-то расчёт?
 - Конечно, был. Я вывел формулу вектора телепортации и на её основе создал квантовый генератор.
 - А ты утверждал, что такой формулы не существует! – не удержался Ричард и с укором посмотрел на своего ученика.
 - А что такое квантовый генератор? – спросил Джон Александра.
 - Это долго объяснять...
 - Какая разница! – воскликнул Ричард. – Главное – формула существует! Ты просто обязан нам дать эту формулу.
 - А для чего вам она? – спросила Маша.
 - Понимаете, – стал объяснять Ричард, – мы с Джоном работаем над той же проблемой, что и вы. Только вы осуществили переход из нулевого уровня, или сектора, в первый, а мы хотим перейти из первого во второй.
 - Значит, секторов не два? – спросила Маша.
 - Их бесконечное множество, – сказал Джон.
 - Вы готовы провозгласить формулу? – Ричард с надеждой посмотрел на Александра. Тот открыл рот, чтобы произнести вслух своё открытие, но вдруг застыл с испуганным лицом.
 - Что такое? Вам что-то мешает? – спросил Ричард.
 - Я забыл её, – тихо ответил Александр.
 - То есть, как это забыл? – не поверил Ричард.
 - Значит, мы никогда не сможем заглянуть во второй сектор? – расстроился Джон.
 - Почему, никогда? – попробовал успокоить своих новых знакомых Александр. – Если я вывел эту формулу там, то здесь я её выведу наверняка. Ведь в этом секторе знаний больше, чем в нашем.
 - Никогда, – грустно сказал Ричард. – Ты никогда не вспомнишь её здесь.
 - Почему?
 - Дело в том, что в этом секторе имеется только та информация, которая перешла из предыдущей, имея статус истины.
 - Но, раз мы здесь, значит формула является истиной, – возразила Маша.
 - Формула действительно является истиной, но забыл он её там, а не здесь, – стал объяснять Ричард.
 - А коль скоро это так, то она не перешла из нулевого сектора в первый, – продолжил мысли своего учителя Джон.
 - Что же тогда делать? – спросила Маша.
 - Надо вернуться в нулевой сектор и забрать её оттуда, – предложил Ричард. – В нулевом секторе осталась эта формула?
 - Я всё уничтожил, – сказал Александр, – хотя...
 - Что хотя? – спросили все хором.

– Когда я объяснял всё Владимиру, – начал вспоминать Александр, – мне пришлось гвоздём нацарапать её в гараже. Владимир, правда, её тут же затёр, но это ровным счётом ничего не значит: можно сделать спектральный анализ и всё восстановить.

– Так что же вы здесь сидите!? – закричал Ричард. – Или вы хотите, чтобы этот анализ сделал кто-то другой?

Оставшись, наконец-то, наедине, Андрей и Наташа занялись более приятным делом, нежели слушание бредовых рассказов на тему телепортации. Молодые люди рассказывали друг другу стихи и вспоминали истории из своей жизни. Одним словом, делали то, что делают все девушки и юноши в самые прекрасные и незабываемые годы своей жизни. Ноги несли молодых неведомо куда, но их вовсе не интересовало: где они находятся и сколько сейчас времени. Только однажды они остановились и оглянулись вокруг.

– Где это мы? – спросила своего кавалера Наташа.

– Смотри, эта та самая машина, из-за которой случился пожар.

Наташа с интересом стала рассматривать обгоревший грузовик.

– Если это та самая машина, – сказала она, – то где-то рядом должен быть гараж, который тоже сгорел.

– Так вот он, – указал рукой Андрей на чёрную железную коробку с распахнутыми воротами. – Пойдём, посмотрим.

Молодые люди взяли за руки, и пошли в сторону гаражей. Неожиданно Андрей остановился и сильно дёрнул девушку за руку, увлекая её за стенку непонятного строения. Девушка, посчитав, что молодой человек, исполнив необходимые формальности, наконец-то приступит к делу, с наслаждением подчинилась.

– Тише! – таинственно сказал Андрей, – мы здесь не одни.

Такого развития событий Наташа никак не ожидала.

– То есть, как это не одни!? – возмутилась она.

– Смотри! – Андрей глазами указал в сторону сгоревшего гаража.

Наташа присмотрелась и от испуга вцепилась в руку Андрея.

– Это же Александр! – прошептала она.

– Он и, кажется, твоя подруга, – уточнил Андрей.

– Да, это Маша, – согласилась Наташа.

Андрей посмотрел на часы и, удивлённо, на свою подругу.

– Но ведь этого не может быть, – прошептал молодой человек.

– Почему?

– Мы расстались с ней полтора часа назад у военного госпиталя.

– Ну и что? – не поняла Наташа.

– Полтора часа назад Александр был в госпитале...

– Ты хочешь сказать, что он оттуда сбежал?

– Надо немедленно проверить.

– Но нас туда не пустят.

– У меня есть пропуск.

Андрей достал из кармана купюру и показал девушке.

– А я? – спросила она.

– Дадим два пропуска, – твёрдо ответил Андрей.

Пропуски, на которые рассчитывал Андрей, действительно не подвели. Через двадцать минут Андрей и Наташа стояли в терапевтическом отделении госпиталя и пожирали глазами перепуганную медсестру.

- Где у вас лежит Александр Смирнов? – строго спросил Андрей.
- В десятой палате, – дрожащим голосом ответила сестра.
- Проводите.

Сестра засеменила по коридору, открыла дверь и пригласила странных посетителей войти.

- Вот его койка, – показала сестра.

Андрей с Наташей вошли в палату и остановились у кровати.

- Его здесь нет, – сказала Наташа.
- Значит, это были действительно они! – ответил Андрей.

- Больной-то от вас сбежал! – съязвила девушка сестре.

– Почему сбежал? У нас больные к койкам не привязаны. Может быть, он телевизор смотрит, а может быть, просто пошёл в туалет.

Не успела сестра это сказать, как в палату вошёл Александр.

Андрей и Наташа, открыв от удивления рты, плюхнулись на кровать больного.

- Это ты? – нарушила тишину Наташа.

- Я. А что в этом удивительного? – ответил Александр.

- А мы пришли навестить тебя, – нашёлся Андрей.

– У нас есть специальная гостевая комната, – сказала сестра. – Там гораздо удобнее, чем в палате.

Через час Наташа с Андреем вышли из госпиталя.

- Вот всё и выяснилось, – сказала Наташа. – Мы просто ошиблись.

- Или... – Андрей что-то хотел сказать, но, видимо, передумал.

- Что или? – не поняла Наташа.

- А вдруг Владимиру ничего не приснилось?

- То есть, как это ничего не приснилось?

- Но ведь я собственными глазами видел и его и её.

Наташе вдруг стало страшно. Она снова вцепилась в руку Андрея.

- Я тоже видела собственными глазами, – подтвердила она.

– Если предположить невозможное, – начал рассуждать вслух Андрей, – то они могли искать там только одну вещь.

- Какую? – дрожа от страха, прошептала девушка.

- Квантовый генератор, – твёрдо сказал Андрей.

От долгого стояния без движения ноги начинают затекать. Сначала их начинают покалывать тысячи невидимых иголочек, потом судорога начинает сводить мышцы, и в заключение, ноги перестают слушаться своего хозяина – они деревенеют. Капитан вспомнил свои юношеские годы: ненавистный старшина издевался тогда над каждым молодым курсантом. Стоило хоть на малость задержаться и встать в строй последнему, как старшина брал виновника на карандаш и издевался над несчастным до полного своего удовлетворения. Он выставлял курсанта по команде «смирно» и не давал команду «вольно» в течение нескольких часов. Вот тут наказанный впервые начинает чувствовать покалывание, потом судорогу и одеревенелость ног.

Однако всё это было давным-давно. А сейчас? Он уже не молоденький курсант, а офицер – капитан, а его, как глупого щенка, выставили в дозор наблюдать за никому не нужным сгоревшим гаражом.

Капитан растёр затекающие ноги и стал вспоминать, с чего начались его неприятности.

А все неприятности, как известно, происходят из-за баб. Не стал бы он забегать к своей знакомой в первый раз – не сбежал бы этот чокнутый новобранец. Не стал бы он забегать к своей зазнобе во второй раз – не угодила бы канистра с бензином в машину.

Анализируя события, капитан отметил одну закономерность: и в первом, и во втором случае присутствовал один и тот же человек: Александр Смирнов. Подполковник тоже обратил на это внимание. Однако начальник штаба так распустил своё воображение, что договорился до того, что сержант содержит невольников, которые работают на подпольном предприятии.

– Сам посуди, – говорил подполковник капитану, – зачем новобранец побежал к гаражам?

– Не могу знать! – отчеканил капитан.

– А ты напряги свои извилины.

Капитан так напрягся, что глаза чуть не выкатились из орбит, но ничего так придумать и не смог.

– Там, в гаражах и находится подпольное производство сержанта, – объяснял подполковник. – Нам необходимо накрыть эту лавочку тихо и без шума.

Более глупого и парадоксального объяснения было невозможно придумать, но эта версия была высказана не кем-нибудь, а начальником штаба, подполковником.

Капитан, конечно, не верил ни в какие подпольные предприятия и ни в каких рабовладельцев, но он был военный человек и знал, что такое приказ. И если уж начальник приказывает стоять, спрятавшись между двух гаражей, не имея возможности не только присесть, но и просто размять ноги, то он, истинный офицер, обязательно выполнит приказ и выследит кого угодно, даже если этот кто угодно будет марсианином.

Мысли капитана прервал скрип ворот. Офицер высунул из укрытия голову и увидел молодого человека с девушкой. Капитан присмотрелся и обомлел: в нескольких метрах от него стоял опять тот самый новобранец.

Парень с девушкой вошли в гараж, пробыли в нём некоторое время и вышли, держа в руке какую-то обгоревшую железку. Офицер хотел было проследить за новобранцем, но неожиданно услышал, что не только он наблюдает за гаражом.

– Тише! – прозвучал мужской голос, – мы здесь не одни.

– То есть, как это не одни!? – испуганно прозвучал женский голос.

Капитан затаил дыхание и, кажется, слился со стенами гаражей.

– Это же Александр! – услышал он шёпот девушки.

«Значит, я не ошибся, – подумал офицер. – Это действительно он».

– Но ведь этого не может быть! – продолжал молодой человек.

– Почему?

– Мы расстались с ней полтора часа назад у военного госпиталя.

– Ну и что?

– Полтора часа назад Александр был в госпитале...

– Ты хочешь сказать, что он оттуда сбежал?

– Надо немедленно проверить.

«И мне надо это проверить», – подумал офицер.

Молодые люди ушли. Капитан выбрался из укрытия, размял затёкшие ноги и поспешил в госпиталь.

У офицера было явное преимущество. Ему не нужно было тратить время на подкуп. Махнув вахтёру удостоверением, он добрался до терапевтического отделения раньше, чем туда вошли Андрей и Наташа.

Поздно вечером капитан стоял перед подполковником и докладывал о выполнении задания. Подполковник, выслушав доклад, ещё долго ничего не мог сказать. Он ходил по кабинету, разгадывая какую-то очень сложную загадку. Иногда он останавливался, и лицо его прояснялось. Он хотел было что-то сказать, но опять мрачнел и погружался в свои размышления. Наконец, устав от непосильного занятия, он остановился и с удивлением посмотрел на капитана.

– Значит, так и сказал: «квантовый генератор»?

– Так точно, товарищ подполковник! Квантовый генератор! – отчеканил капитан.

– Да тише ты! – остановил его подполковник. – Неужели не понимаешь, куда мы с тобой вляпались?

Если честно, то капитан даже приблизительно ничего не понимал. Хотя, он действительно сегодня вляпался. Когда пришлось выбираться из засады, одеревенелые ноги наступили на большую и вонючую кучу, но об этом капитан решил подполковнику не докладывать.

Начальник штаба заметил на лице капитана отблеск мысли и посмотрел на подчинённого с надеждой.

– У вас есть на этот счёт какие-нибудь соображения?

– Так точно! – соврал капитан.

Начальник штаба усадил капитана на стул и присел рядом.

– Докладывайте, – сказал он с какой-то обречённостью.

– Когда я прибежал в госпиталь, – начал капитан, – Смирнов был уже там.

– Ну и что? – не понял подполковник.

– Он не мог прибежать быстрее меня и ещё успеть переодеться в госпитальную пижаму.

– Может быть, ты обознался?

– Никак нет. Его опознали не только я, но и его друзья, которые пасли его у гаражей, а потом, как и я, пошли проверять его в госпитале.

– В этом деле меня больше интересует квантовый генератор.

Подполковник задумался, а потом снова удивлённо посмотрел на капитана.

– А действительно, как он мог прибежать туда быстрее тебя?

– Во-первых, быстрее меня бегать нельзя, – хвастливо заметил капитан, – а во-вторых, его никто бы в госпиталь не пустил. Там мышь не проскочит.

Подполковник встал со стула, снова молча походил по кабинету и открыл свой сейф. Он достал знакомые списки и протянул их капитану.

– Не было его во второй раз в военкомате. Не было и не могло быть. – Подполковник начал явно нервничать. – Я допросил всех новобранцев – никто его там не видел. И в машину он не садился.

– А как же он в ней очутился? – не понял капитан.

Подполковник будто бы не услышал вопроса своего подчинённого.

– А тут ещё этот квантовый генератор! Ты не знаешь, что это такое?

Капитану было очень стыдно, но если уж этого не знал даже подполковник, так ему, как говорится, и сам бог велел.

– Никак нет! – смело ответил он.

– Вот и узнай всё, – приказал начальник штаба. – Сдаётся мне, это дело государственной важности.

При этих словах спина капитана непроизвольно выпрямилась, а грудь выкатилась колесом вперёд. Капитан представил, как он один раскрывает государственный заговор. Он даже физически ощутил тяжесть орденов, которые ему навесят на выкаченную вперёд грудь. Капитан даже знал, как он раскроет этот заговор. Необходимо было узнать сущий пустяк. Необходимо было узнать, а что же это такое – квантовый генератор?

Глава 5

Что касается квантового генератора, то он спокойно лежал на столе у Андрея и не думал ни о каких государственных заговорах. Вид его, как говорится, оставлял желать лучшего: весь покрытый копотью, он вообще мало напоминал прибор. Когда-то блестящие и разноцветные, провода полностью выгорели. Обрывки, а, точнее сказать, ошмётки их опутывали прибор, причём так, что не было никакой возможности понять: откуда они выходили и куда подсоединялись. Пластмасса была оплавлена, а печатные платы просто спеклись.

Андрей и Наташа стояли у стола и молча смотрели на остатки прибора.

– Да брось ты в этом хламе ковыряться, – нарушила тишину Наташа. – Неужели ты веришь в эти сказки?

– Ты так говоришь, будто этот прибор нам снится. Вот он – можешь понюхать, пощупать, попробовать на вкус.

– Мало ли, какой хлам валялся в гараже? Вовкин дед уже ни один год, как умер.

– А вот это, – Андрей указал на чудом уцелевший уголок печатной платы. – Видишь штамп? Тут и год, и месяц, и число.

– Ты хочешь сказать, что...

– Эта плата была изготовлена в прошлом месяце, а значит, поставлена на прибор позже этой даты.

– Неужели Володьке это не приснилось?

– При чём тут Володька? Ты своим глазам веришь?

– Верю.

– Тогда как ты объяснишь, что Александр в то время, как находился в госпитале, вместе с Машей одновременно был в гараже.

Наташа закрыла кулачками рот и испуганно посмотрела на Андрея.

– Вспомни теперь спор Александра с философом. Информационное поле, истинная реальность и во сне и наяву. Тебе этого мало?

– Ты думаешь, Александру удалось создать квантовый генератор?

– Я просто в этом уверен.

– Но зачем он тебе? Ты же не фанатик, как он?

– Путешествовать во времени, появляться в любой точке света и исчезать из этой точки посредством одного только желания. Тебе мало?

У Наташи задрожали руки.

– Это же миллионы, миллиарды...

Андрей не дал договорить.

– Нет, не миллионы и не миллиарды, а гораздо больше!

Больной закрыл глаза. Сестра опустила свою руку на лоб Александра и прошептала ему на ухо:

– Сделай вид, что ты спишь. Поговорим на первом уровне.

Сестра встала и вышла из палаты. Александр повернулся на правый бок и уснул.

Однако, если в нулевом секторе сон вторгнулся в жизнь любого существа, то в первом секторе такого понятия, как сон, совсем не существовало. Стоило только появиться Александру и Маше, как на них набросились Ричард и Джон.

– Вы сделали свои анализы? – спросил Ричард, не дав молодым людям даже опомниться.

– В первом секторе сейчас поздний вечер, ничего не работает, – попробовала объяснить Маша.

– Ты всё позабыл, – пришёл на помощь Джон. – Вспомни, ночью там всё переходит в половинный уровень.

– То есть, между нулевым уровнем и первым существует ещё один подуровень? – спросил Александр.

– Конечно, – подтвердил Ричард. – Что касается половинного уровня, то мы можем ходить туда сколько угодно раз, а вот со вторым уровнем пока ничего не получается.

– А может быть, потому и не получается, что между первым уровнем и вторым существует такой же подуровень? Назовём его полуторным.

– Боже мой! – воскликнул Ричард. – Почему же я раньше не догадался? – столько времени и всё впустую!

Далее Ричард с Александром углубились в такие непонятные теории, что ни Джону, ни Маше не было никакой возможности понять их.

– Он одержим идеей найти путь во второй уровень, – кивнула Маша в сторону Ричарда.

– Его сожгли за это, – ответил Джон. – Он поклялся доказать, что прав, и поэтому никак не может остановиться.

– А кому доказывать?

– В том то и дело, что некому. Те, кто его сжёг, давным-давно находятся на уровне гораздо более низком, чем нулевой.

– Александр тоже хочет доказать свою правоту.

– А стоит ли? Их, наверное, тоже давно нет.

– Отчего же? – удивилась Маша. – Живы, здоровы и прекрасно себя чувствуют.

Джон вдруг хитро улыбнулся.

– Значит, у вас сейчас ночь? – спросил он.

– Да, все спят.

– Я в том смысле, что они находятся на половинном уровне, где мы с тобой можем их навестить. Наши друзья наверняка нескоро закончат свои научные разговоры.

– А куда мы пойдём? – спросила Маша.

– Не знаю. Это тебе виднее.

– Давай навестим философа, – предложила Маша.

– Давай. Ничего страшного, если я пойду в таком виде? – Джон показал на свои римские одежды.

– А что, очень даже оригинально.

– А ты в чём пойдёшь?

– А я ни в чём не пойду, – засмеялась Маша.

– То есть, как это ни в чём? Разве у вас так ходят?

– Во сне – ходят. Хочу посмотреть на то, как он после такого сна будет смотреть на меня в институте.

Преподаватель марксистско-ленинской философии Пётр Петрович Фролов был человеком очень строгих правил. Заметив, к примеру, на пляже девушку, открывшую для загара тела чуть больше, чем было, по мнению Петра Петровича, положено, он плевался, оскорблял её всякими словами и уходил подальше, чтобы глаза не видели этого форменного безобразия. К сексуальным отношениям между мужчиной и женщиной он вообще относился, как к атавизму. Философ считал, что природа, поставив человека на самую вершину развития, просто обязана была предусмотреть другой способ размножения, нежели тот, которым пользуются практически все животные. Поэтому, Пётр Петрович подавлял в себе любые желания подобного рода, считая их низменными и, естественно, полагал проявления подобных чувств ниже собственного достоинства. Даже исполняя свой супружеский долг, он делал это с чувством омерзения и раздражения.

Однако что бы ни считал Пётр Петрович, а природу перехитрить нельзя. И если мужской организм не выполнял то, что ему положено наяву, он всё компенсировал во сне. В этом случае философ ничего не имел против. Это ведь не он поступал так гнусно и мерзко, это природа, явно недостойная такой личности, как он, творила свои бесстыжие делишки. И он, человек с большой буквы, принимал эти делишки, потому что спал, и не мог себя контролировать, а, стало быть, и не имел ко всему этому ни малейшего отношения. А делишки эти Петру Петровичу нравились. Он ждал этих снов и часто вспоминал их наяву, приукрасив и без того вели-

колепные чувства своей фантазией. К сожалению, с каждым годом этих снов становилось всё меньше и меньше.

Закончив читать передовицу газеты «Правда», Пётр Петрович снял очки, посмотрел на уже уснувшую жену, натянул на себя одеяло и выключил настольную лампу.

Сон практически моментально вырвал философа из действительности и перенёс в мир, где не было диалектического материализма и абсолютно всё было разрешено.

Закончив читать свои лекции, Пётр Петрович вышел из института и направился по тенистой аллее домой. Под старым дубом он увидел скамейку, на которой сидели девушка и мужчина в странном одеянии. Необычная одежда привлекла внимание Петра Петровича, и он остановился, чтобы рассмотреть мужчину поближе. Туника и сандалии соответствовали, скорее, временам Римской империи, нежели современной моде.

«Актёр», – подумал про себя Пётр Петрович.

– Желаете присесть? – спросил римлянин философа, указывая на скамейку.

Пётр Петрович присел и посмотрел на девушку, которая смотрела вниз, спрятав лицо.

– Вы, наверное, актёры? – спросил философ.

– Нет, я ваша студентка, – ответила девушка и подняла лицо. – Меня зовут Маша.

Философ посмотрел на девушку и сразу же узнал свою ученицу.

– Меня заинтересовала одежда, поэтому я и засмотрелся на вас, – стал объяснять философ римлянину своё поведение.

– А что в ней может заинтересовать? Одежда как одежда.

– Ну, не скажите. Так одевались в древнем Риме. Нынче одежда гораздо удобнее.

– Это почему же она удобнее? Нет ничего лишнего. Кстати, платья у ваших женщин мало чем отличаются от моей одежды.

– Наши женщины всё больше и больше предпочитают носить джинсы, а не платья.

– А как же они в джинсах могут привлекать к себе мужчин?

– Привлекать мужчин? – удивился философ. – А зачем им это надо?

– То есть, как это зачем? – не понял римлянин. – Потому что так задумано самой природой.

Философ хотел сказать, что человек выше этой глупой природы, но в это время подул ветер и задрал платье у Маши, обнажив её стройные ножки.

– Ну как, завлекает? – спросил римлянин.

Пётр Петрович замялся, но слово «нет» не произнёс.

Маша встала со скамейки и одним движением руки совсем сбросила платье.

– Неужели, не завлекает? – опять спросил римлянин.

Философ хотел встать со скамейки, но почувствовал, что не может этого сделать. Маша ловко расстегнула замочек на спине и скинула бюстгальтер. Белоснежная женская грудь, украшенная великолепной родинкой, просто парализовала мужчину.

– Богиня! – вырвалось из уст философа.

– Так чья же одежда лучше? – спросил римлянин.

При этом Маша взялась за трусики и собралась снять их.

– А может быть одежда совсем не нужна? – продолжал римлянин.

Но Пётр Петрович уже не слышал его.

– Машенька, нимфа моя, снимай этот проклятый атавизм! – кричал он.

Маша скинула трусики и вопросительно посмотрела на философа. Тот глотал слюну и не мог вымолвить ни слова.

– Так вы так и собираетесь сидеть в своей удобной одежде? – спросила Маша.

Она отвернулась от Петра Петровича и начала глазами искать платье.

– Машенька, не делай этого! – крикнул философ и торопливо стал раздеваться. Однако огромное количество застёжек не давало это сделать быстро.

– Только не уходи, Машенька! – кричал философ. – Сейчас я сниму эти проклятые брюки!

Однако кроме брюк на кавалере был одет тугий свитер, из которого надо было умудриться вылезти. Философ спустил брюки, но понял, что освободиться от них возможно только после того, как снимешь ботинки, а у них, проклятых, не развязывались шнурки. Маша, между тем, ходила перед ним в костюме Евы и только раззадоривала несчастного мужчину.

– Машенька, солнышко, не уходи! Я сейчас разденусь!

– Так чья же одежда лучше? – язвительно спрашивала Маша.

– Лучше всего совсем без одежды, – отвечал философ, разрывая на ботинках шнурки.

Наконец с одеждой всё было покончено. Мужчина, приняв облик Адама, предстал перед своей Евой. Вдруг счастливое лицо Петра Петровича померкло: то, к чему он стремился, что хотел сделать, сделалось само в самый неподходящий момент.

– Как же это? – не понял философ.

– Во всём виновата одежда, – объяснила Маша. – Вы очень долго возились.

Пётр Петрович обернулся, как бы ища поддержки со стороны, и вдруг увидел римлянина. Тот с увесистой дубиной направлялся к нему.

– Значит, говоришь, Машенька, богиня?! – кричал римлянин почему-то голосом жены. – Я тебе, старый козлина покажу молодую нимфу.

Римлянин замахнулся и обрушил на философа своё оружие. Тот взвыл от боли и проснулся.

– Вот, значит, чем ты занимаешься в своём институте?! – кричала жена, нанося удары всем, что попадалось под руку. – А то мы вечером не можем! У нас сил нету! А на Машеньку, значит, есть!?! Сегодня Машенька, завтра Наташенька, только на жену время не остаётся!

– При чём тут Наташенька? – пищал философ, – никакой Наташеньки не было!

– А-а-а, значит, была только Машенька?

Супруга схватила хрустальную вазу и разбила её вдребезги о голову несчастного мужа. Тот рухнул на пол и потерял сознание.

Когда Ричард и Александр закончили свои споры, они обратили внимание, что их друзья вовсе не скучали без них. Они о чём-то говорили и звонко смеялись.

– Что случилось? – спросил Александр.

– Пока вы вели свои научные дебаты, мы решили заглянуть на половинный уровень, – ответил Джон.

– Зачем? – не понял Ричард.

– За тем, что человек, из-за которого Александра выгнали из института, чуть ли не превратили в дезертира, а теперь держат в больнице, чтобы приклеить ему ярлык сумасшедшего, спокойно спит и видит приятные сны.

– Значит, ты ему сделала так, что он увидел неприятные сны? – спросил Александр.

– Нет, нет, сон у него был очень приятный, – заверила Маша.

– Я только в конце ему немного личико попортил, но это я, а со стороны Маши никаких претензий нет – ощущения самые приятные.

– Набить морду – это уж очень примитивно, – заметил Александр.

– Не торопись с выводами, – сказала Маша. – Я женщина, а значит, не столь прямолинейна, как вы, мужчины. Эта сволочь получит все удовольствия не в половинном уровне, а в его любимом – нулевом. Не во сне, а наяву.

Замазав и припудрив побои, закрыв тёмными очками синяки под глазами, преподаватель марксистско-ленинской философии предстал перед студентами. Тёмные очки придавали преподавателю схожесть с рок-звездой, что вызывало в аудитории смешки и улыбки. Ему казалось, что эти молодые жеребцы знают откуда-то про его трагедию, и поэтому не могут сдержать смех. Однако более всего его поражала Маша, которая не сводила с него своих огромных чёрных глаз. Пётр Петрович понимал, что никто не мог знать про то, что его побила жена, а уж тем более про сон, но мысли о том, что его ночные приключения не являются тайной, всё равно терзали его. После лекции он подошёл к Маше.

– Задержитесь, пожалуйста, – попросил Пётр Петрович.

– Я? – удивилась Маша.

– Да, вы. Всего на пару минут.

Преподаватель стоял у девушки и ждал, когда остальные студенты выйдут из аудитории. Что касается студентов, то им не очень-то хотелось это делать. Они намеренно долго собирали свои сумки, искали что-то и ждали кого-то. Однако сколько бы они ни возились, аудиторию пришлось всё же покинуть. Но студенты не были бы студентами, если бы сдались и ушли домой, не удовлетворив своего любопытства. В коридоре практически вся группа стояла у дверей аудитории. Наташа, согнувшись, заняла позицию у замочной скважины и комментировала для любопытных всё, что происходило за дверью.

– Вы хотели у меня что-то спросить? – сказал Пётр Петрович, когда они с Машей остались наедине.

– Да.

– Спрашивайте, я слушаю вас.

– Я хотела спросить вас про сон, – сказала девушка.

От этих слов по спине у Петра Петровича побежали мурашки.

– Какой сон? – переспросил он.

– Помните, вам этот вопрос задавал Смирнов, которого за это вы выгнали из института.

– Лично я его из института не выгонял, – стал оправдываться философ.

– Не будем про это. Я ведь задала вопрос про сон, а не про Смирнова.

– Я не понял вопроса.

– Смирнов предположил, что события во сне являются такой же реальностью, как и те, что происходят наяву. Вы тогда не ответили на его вопрос.

Преподаватель ожидал всего, чего угодно, но только не таких вопросов. Он слегка замешкался, но тут же нашёлся, что ответить.

– Неужели на такие вопросы следует отвечать? Даже ребёнок знает, что сон – это продукт мозговой деятельности. Смирнов тоже это знал. Он просто решил поиздеваться надо мной, за что и поплатился.

– Выходит, и тот римлянин, и я – тоже продукты мозговой деятельности? – Маша смотрела на философа, не моргая.

– Ка-ка-какой римлянин?

У Петра Петровича поплыли синие круги перед глазами.

– Тот самый, который вас дубиной огрел, когда вы хотели меня, ну это... В общем, вы сами понимаете, что хотели.

– Этого не может быть! – пролепетал философ.

– Ещё как может! – наступала Маша. – Впрочем, в любой науке ничего не принимается на веру. Проверьте. Ведь ваш мозг до этого не знал, есть у меня родинка на груди или нет.

Философ робко подошёл к девушке и остановился.

– Ну, смелее! Проверяйте! Или вам опять шнурки мешают. – При этом Маша звонко рассмеялась.

Пётр Петрович протянул руку к бюстгальтеру и дёрнул за ляпочку. Тот тут же отступил и обнажил девичью грудь.

– Не может быть! – От удивления преподаватель застыл с бюстгальтером в руке.

За дверью любопытные студенты ждали Наташиного комментария.

– По-моему, он её хочет изнасиловать, – сказала Наташа.

На мгновение студентов поразил паралич.

– Ты с ума сошла! – усомнился Володя.

– Посмотри сам, – обиделась Наташа. – Что я, вру вам?

Владимир сменил Наташу на наблюдательном пункте, но тотчас отошёл от него.

– Точно, – еле выговорил он. – Уже лифчик с неё сорвал.

– Надо вмешаться! – сказал Андрей.

– Ишь ты, какой быстрый! – засмеялась Наташа. – Изнасилование всегда совершается против воли женщины. А если это по её воле?

– Если это по её воле, – продолжил кто-то Наташину мысль, – то ты предлагаешь вмешаться в личную жизнь людей.

– Личная жизнь? Здесь, в аудитории?

– Ну, это уж у кого на что фантазии хватает, – засмеялась Наташа и опять заняла свой наблюдательный пункт.

Философ, между тем, отошёл от шока. Взгляд его стал злым и жёстким.

– Значит, это был не сон, – вымолвил он. – Значит, это вы так решили отомстить мне! Избили, накачали клофелином, притащили домой, и навесили жене лапши на уши? Ах ты, шмара!

Философ поднял руку и ударил девушку по лицу. Та отшатнулась, попыталась вернуться, но слишком промедлила. Преподаватель схватил жертву за платье и дёрнул. Платье так же, как и бюстгальтер, осталось у него в руке.

– Помогите! – закричала Маша.

– Вот теперь пора вмешиваться, – заключила Наташа.

Но в её советах уже никто не нуждался. Только услышав крики о помощи, студенты ворвались в аудиторию и повалили на пол маньяка.

Следователь сначала пытался всё подробно записать, но потом отложил ручку и стал просто слушать. Допрос потерпевшей как-то непроизвольно перешёл в разговор по душам без протокола и прочих формальностей.

– Я потом всё оформлю, – сказал следователь Маше, – ты рассказывай.

– Да я, собственно всё уже рассказала.

Девушка замолчала и вопросительно посмотрела на следователя.

– А может быть, у него с головой что-то? – спросила она.

– Мне тоже кажется, что здесь проблема, скорее, медицинская.

Девушка приготовилась слушать милиционера.

– Вы сами-то посудите. В его возрасте, и вдруг на такие дела потянуло.

Милиционер покрутил пальцем у виска.

– Мне не следовало бы вам рассказывать, но...

– Что но? – не поняла Маша.

– В конечном итоге, всё зависит от того, как вы напишете заявление.

– А я-то здесь причём?

– Если вы считаете, что он больной, то, может быть, не станете его совсем уничтожать?

– При чём тут станете или не станете? Больной он или здоровый, должны определить врачи.

– Врачи определили, что он вменяем.

– Значит, экспертиза уже была?

– Мы его сразу отправили на экспертизу. Он нам такие показания стал давать, что без заключения врача их даже записывать нельзя.

– А что он показал?

– Он утверждает, что вы задержали его в аудитории, чтобы решить научный вопрос.

– Научный?

– Не перебивайте меня. Он говорит, что вы утверждали, что во сне человек пребывает в такой же реальности, как и наяву.

– Это я утверждала?

– А потом он сказал, что вы разделись донага, и со своим сообщником – римлянином избили его, опоили клофелином, притащили домой и сказали жене, что он изменяет ей со студентками.

– Чем, чем я его опоила?

– Да ничем вы его не опоили. Медики в крови ничего не нашли. Просто после таких показаний мы обязаны были направить подозреваемого на медицинскую экспертизу.

– И что же медики?

– Говорят, что он Ваньку валяет. Притворяется психом.

– А что ему будет, если он не псих?

– Если не псих, то попытку изнасилования и доказывать не надо. Целая группа свидетелей. Кроме того, нанесение вреда здоровью. Можно квалифицировать, как злостное хулиганство.

– Злостное хулиганство!?! – обрадовалась Маша. – Давайте ему злостное хулиганство навесим!

– Что значит, навесим? Мы здесь ничего не навешиваем, а разбираемся в истине.

– В истине? – удивилась Маша. – Вы хотите сказать, что способны понять истину?

Следователь удивлённо посмотрел на потерпевшую. Маша поняла свою ошибку и перевела разговор на другую тему.

– Ну, а если его признают психом, что тогда?

– Тогда его будут лечить. Очень долго лечить, ведь он на людей бросается, то есть, является социально опасным.

– Тогда что же я могу сделать? – не поняла Маша.

– Вы можете вообще не писать заявление в милицию.

– Вообще не писать?

– Да. Многие девушки вообще стесняются говорить на эту тему.

– Ну уж нет! – возмутилась Маша. – Я, слава богу, без комплексов. Преступник должен сидеть в тюрьме, а если он болен, то в психиатрической больнице.

– Дело хозяйское, – согласился следователь. – Я просто обрисовал вам возможные перспективы. Подождите минуточку, я запишу показания и отпущу вас.

Следователь быстро заполнил протокол допроса и дал его Маше. Та прочитала и, с явным удовлетворением, поставила свою подпись.

Глава 6

Если бы знал Александр, что в то время, когда он лежал на госпитальной койке, притворяясь спящим, в соседней палате проходило медицинское освидетельствование преподавателя марксистско-ленинской философии, разве до сна ему было? Неужели не захотелось бы выйти и заглянуть краешком глаза на то, как справедливость расставляет точки над «i»? Неужели сердце, обиженное несправедливостью и чёрствостью, не согрелось бы тёплым и приятным

чувством отмщения? Неужели сладострастная истома удовлетворения не поглотила бы душу целиком, не оставляя места ни для каких прочих чувств? Скорее всего, так оно и случилось бы, если бы Александр не имел разговора с Ричардом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.